

АНАСТАСИЯ СЫЧЁВА

**ПУТЕШЕСТВЕННИЦА
ВО ВРЕМЕНИ**

**КНИГА 2
ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ**

ИДДК

Путешественница во времени

Анастасия Сычёва

**Путешественница во времени.
Воспоминания о будущем**

«ИДДК»

2020

Сычёва А. В.

Путешественница во времени. Воспоминания о будущем /
А. В. Сычёва — «ИДДК», 2020 — (Путешественница во времени)

«Воспоминания о будущем» – фантастический роман Анастасии Сычевой, вторая книга цикла «Путешественница во времени», жанр любовное фэнтези, городское фэнтези, детективное фэнтези. Джейн выживает в аварии, но отныне ее жизнь должна кардинально измениться. Чужой мир, чужое тело, чужие люди, чужие порядки... В этой новой жизни Джейн должна найти свое место, распутать протянувшийся сквозь столетия клубок интриг, встретить старых знакомых, где каждый ведет собственную игру. Ей предстоит столкновение с новыми врагами, и главное – ее ждет новая встреча с Джеймсом...

© Сычёва А. В., 2020

© ИДДК, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анастасия Сычёва
Путешественница во времени.
Книга 2. Воспоминания о будущем

© Сычёва Анастасия

© ИДДК

Пролог

Валери Андерс злилась.

Ну почему, почему жизнь так несправедлива?! Почему именно ей, умнице, красавице, колдунье, обладающей огромным магическим потенциалом, так сильно не везло? Почему всякий раз, когда до желанной свободы оставалась самая малость, буквально руку протянуть, в последний момент всё срывалось и летело в тартарары?

А ведь она заслуживала счастья как никто другой! Никто другой в этом чёртовом ковене магов никогда не был настолько талантлив и умён, как она, никто другой не прикладывал таких усилий для развития своих способностей! И ведь это было так правильно – чтобы именно её магические силы были настолько велики, чтобы именно она обладала такой властью! Совет ковена – сборище самовлюблённых идиотов – всё время твердил, что надо быть осторожнее, но ей хотелось большего, и уж она-то точно знала, что сможет этого добиться! Тёмная магия открыла ей новые, недоступные остальным горизонты, и саму Валери мало смущал тот факт, что для обретения большего могущества необходимо было идти на человеческие жертвы. Вот только вести себя следовало осторожнее. Какая досада, что ковен сто тридцать лет назад разоблачил её новое увлечение! Вся её жизнь круто изменилась в худшую сторону. Впрочем, из-за этого она уже почти не переживала, поскольку осознавала, что сама была виновата. Как же самонадеянно, неосторожно она себя тогда вела! И за эту ошибку ей приходится расплачиваться по сей день!

Но как она позволила тогда этому человеку обрести над ней такую власть? Почему не сбежала сразу, а потратила драгоценное время на месть обидчикам? Спору нет, месть удалась, и воспоминания о том убийстве до сих пор приносили удовольствие и чувство глубокого удовлетворения, но... Сбежать после уже не удалось. Её очень быстро настигли и предложили выбор – либо суд и вечное заточение, либо верная служба. Знай она тогда, что эта служба обернётся пожизненной каторгой, то согласилась бы на суд Совета...

– Тяжёлые мысли? – непринуждённо осведомился её собеседник, сидевший напротив.

Валери торопливо сделала глоток из бокала. В этих словах ей отчётливо послышалась скрытая насмешка. Ни в коем случае нельзя было дать понять, как сильно её уязвляли подобные замечания. Крепкий алкоголь обжёг горло, но колдунья и глазом не моргнула.

– Нисколько, – выдавила она. Горло саднило, но ей удалось произнести эти слова ровно. Только не показывать собеседнику свою неуверенность!

– Врёшь, – равнодушно отозвался человек напротив. Обмануть его Валери не удавалось ни разу – ложь он чуял мгновенно.

Боже, как же она ненавидела его! Это он лишил её свободы, оставил в подвешенном состоянии на сто тридцать лет и мог распоряжаться её жизнью любым удобным ему образом!

– Не беспокойся, – деловито посоветовал тот ей, словно она произнесла это вслух. – Скоро всё закончится, и ты сможешь идти на все четыре стороны.

Проклятье! Как этому человеку всегда удавалось читать по её лицу, точно по раскрытой книге?!

Но произносить это всё же не стоило, так что она огромным усилием взяла себя в руки и закинула ногу на ногу. Оценила результат – ноги, дорожные туфли на четырёхдюймовой шпильке, юбка коктейльного платья – всё выглядело безупречно. Эта мысль слегка улучшила настроение.

– Как скоро? – поинтересовалась она, настраиваясь на деловой лад. – Нас хоть и не разоблачили, но ритуал в Эйлсфорде всё равно сорвался. Что вы намерены делать теперь?

– Проводить его, разумеется.

– Но маги...

– Слишком сильно заняты своими делами и поисками лазутчика. Нам это сейчас только на руку. Плюс Искательница им больше не помогает – значит, их шансы на успех ещё немного снизились.

Валери уставилась в лицо собеседника с жадным вниманием.

– Она мертва?

– Впала в кому, – уточнил тот. – Разумеется, было бы лучше, если бы та авария сделала из неё отбивную, но тут уж ничего не поделаешь. Живучая оказалась...

– Так может, ей... помочь? – осторожно уточнила Валери. – Добить в больнице, чтобы она уже наверняка не помешала?

Признаться, именно это задание она бы выполнила с огромным удовольствием – уж очень её раздражала эта бледная невыразительная дылда. Ну что, что Джеймс нашёл в ней такого, чего не было в ней, Валери?!

Её собеседника это предложение внезапно развеселило.

– Не спору, с этой задачей ты бы справилась блестяще! Уильяма ты устранила просто отлично, не подкопаешься! Однако не думаю, что в этом есть необходимость, – весёлый тон сменился на задумчивый. – Врачи говорят, что вероятность того, что она очнётся, невелика. Я же сомневаюсь, что её семья будет долго уповать на чудо. Они сами отключат её от аппарата жизнеобеспечения. И мы тут будем вовсе ни при чём.

Колдунья с лёгким разочарованием кивнула.

– Мы же возвращаемся к ритуалам. Слушай внимательно...

Глава 1

В коридоре заскрипели старые половицы, и я торопливо повернула голову к окну. На всякий случай прикрыла глаза и сосредоточилась на том, чтобы дыхание было ровным и размеренным. Шаги приблизились, щёлкнула ручка, и с тихим шорохом дверь приоткрылась. Кто-то остановился на пороге, и я почувствовала на себе чужой внимательный взгляд. Должно быть, моя имитация здорового сна была достаточно убедительной, потому что через несколько секунд дверь закрылась, опять заскрипели половицы, и всё стихло.

Я вздохнула с облегчением и перевернулась на спину, бездумно уставившись в потолок. По нему местами змеились тонкие паутины трещин, пересекая расписные узоры, и их разглядывание стало моим единственным способом развлечься, поскольку вставать с кровати мне почти не разрешали. Полный человечек среднего возраста в тёмно-коричневом сюртуке и с небольшим саквояжем, которого здесь почтительно именовали «доктор», и которого я видела дважды, прописал мне постельный режим. Сказал, что с полученной травмой головы мне необходим покой. Лично я чувствовала бы себя гораздо спокойнее, если бы мне сделали МРТ перед тем, как ставить диагноз, но что-то подсказывало, что в этой реальности до изобретения томографа пройдёт ещё не один десяток лет.

В комнате было полутемно и душно – мало того, что окна были закрыты, так ещё и ставни были наглухо заперты изнутри. Предписание всё того же доктора, который уверенным тоном объявил, что уличный шум, как и свежий воздух, больной только навредят. Я пробовала осторожно возразить, но меня никто и слушать не стал, решив, что я всё ещё не пришла в себя. Кроме врача я видела только высокую худую женщину с собранными в высокий узел чёрными волосами, которая, кажется, была здесь главной, и девушку в чёрном платье до пят с белым воротничком, переднике и в белом чепце. Девушка держалась очень тихо и в разговор со мной не вступала, хотя я ей улыбалась и всячески демонстрировала дружелюбие, надеясь получить ответы на свои вопросы. Высокая женщина говорила холодным, резким голосом, отдавая кому-то распоряжения, на меня смотрела без капли сочувствия и обращалась ко мне «мисс Барнс». И, как я понимала, в доме был ещё мужчина – поскольку именно мужской голос назвал меня «Бетси», когда я только очнулась. Этим мой нынешний круг общения исчерпывался.

Я не сразу поняла, что со мной случилось. Воспоминания о том странном перекрёстке отпечатались в сознании очень отчётливо и не были похожи на сон, который стирается из памяти вскоре после пробуждения. Но случившееся было настолько нереальным, необъяснимым, что поначалу я решила, что это всё было лишь фантазией. Когда я открыла глаза, то в первый момент испытала огромное облегчение от того, что выжила, поскольку после «света в конце тоннеля» я была уверена, что моё тело так и осталось лежать в исковерканной машине. Но затем, медленно, шаг за шагом, я начала осознавать, что влипла гораздо серьезнее, чем могло показаться. У меня несколько дней очень сильно болела голова, словно кто-то пытался проломить мне череп. Болели также руки и ноги, хотелось пить, и всё это было странно. Своё состояние после аварии я представляла себе совершенно по-другому – гораздо тяжелее. Затем я обнаружила, что украшенный росписью потолок над головой совершенно не напоминает белый больничный, что не слышно писка приборов, а в воздухе не пахнет больницей. Вместо этого был застоявшийся спёртый запах, словно помещение давно не проветривали. Рядом с кроватью почему-то горели свечи, которые вдобавок ко всему чадили, и, присмотревшись, я обнаружила, что они стояли в старинном подсвечнике. В довершение картины, люди, появившиеся вскоре рядом со мной, меньше всего походили на медперсонал. Меня о чём-то спрашивали, что-то восклицали, но голова продолжала трещать, и соображала я по-прежнему плохо, так что вскоре меня оставили в покое. Высокая женщина перед уходом бросила кому-то в

коридоре: «Пошлите за доктором!», а после этого я то ли заснула, то ли потеряла сознание – не знаю.

В следующий раз я проснулась днём. Судить о времени суток было тяжело, потому что закрытые ставни не позволяли определить, день сейчас или ночь, но до меня доносился приглушённый уличный шум, да и вошедшие вскоре в комнату люди не были похожи на тех, кого только что подняли с постели. Тогда я впервые увидела доктора, хотя прежде, чем его впустить, высокая женщина убедилась, что я как следует укрыта одеялом, так что оставалась видна только голова. Доктор расспросил меня о моём самочувствии, называя меня всё так же «мисс Барнс», поговорил с высокой женщиной и удалился. Я же в тот момент была настолько потрясена тем, как сильно внезапно изменился мой голос, что не стала никому доказывать, что я вообще-то «мисс Эшфорд», отвечала односложно и в дискуссию не вступала.

Когда они ушли, и я снова осталась в полумраке, то проверила себя на наличие травм. К моему удивлению, я не нашла никаких видимых повреждений – ни переломов, ни порезов, ни искалеченных конечностей. На руках и ногах, а также на боку обнаружилось несколько ушибов, но больше ничего, что напоминало бы о той аварии.

Глаза постепенно привыкли к темноте, и я смогла разглядеть окружающую обстановку. Новым невероятным открытием для меня стало то, что внезапно я с удивительной чёткостью увидела предметы, которые раньше ни за что не смогла бы различить из-за плохого зрения. Ни очков, ни контактных линз на мне не было – я даже пальцем в глаз себе аккуратно потыкала, чтобы убедиться, что линз действительно нет – и это внезапное обретение зрения вывело меня из равновесия ещё на час. Немного успокоившись, я решила всё же разведать окружающую обстановку и быстро убедилась, что находилась не в больнице и даже не у себя дома. Более того – окружающие предметы, казалось, были взяты из какой-то давно ушедшей эпохи, и у меня возникло впечатление, будто я попала в музей. Кровать с пологом, украшенные резьбой и завитушками комод и шкаф орехового дерева, вычурный туалетный столик с круглым зеркалом, софа у изножья кровати... Решив в первый момент, что у меня галлюцинации, я протёрла глаза и обнаружила, что одета в длинную, до пят, плотную ночную рубашку, начинавшуюся сразу у горла. В душевой комнате, да ещё в этом балахоне, было невыносимо жарко, но я была так ошарашена внезапной догадкой, что позабыла о дискомфорте. Не может такого быть... Это невозможно! Подобное случается только в сказках!

Когда на третий день головная боль начала отступать, я решительно откинула одеяло и с трудом поднялась на ноги. Каждое движение давалось с усилием, но я, хватаясь за окружавшие меня предметы мебели, добралась до туалетного столика и буквально упала на стул перед ним. А когда взглянула на своё отражение в зеркале, не сдержала вскрика.

Оттуда на меня смотрела та самая девушка, которую я встретила на перекрёстке, и которая исчезла в ярком свете. Абсолютная нереальность происходящего оглушала, и я почувствовала себя так, словно меня стукнули по голове пыльным мешком. Не в силах поверить, я прижала ладонь ко рту, загоняя крик обратно – и девушка в зеркале сделала то же самое, с ужасом взирая на меня. Без сомнения, это было то же самое лицо, только сейчас она – или теперь уже я? – выглядела бледной, осунувшейся и похудевшей. Давно не мытые светлые волосы свалились и были похожи на паклю, большие синие глаза запали, под ними залегли тени, губы бантиком выглядели каким-то бесцветными. Фигуры за тканью длинной просторной ночной сорочки было не разглядеть, но мне показалось, что девушка была худенькой и тоненькой, как тростинка. На вид ей было лет восемнадцать-девятнадцать, и до болезни она, наверное, была прехорошенькой. Что же с ней произошло? Я разбилась в автокатастрофе, а с ней что случилось? Как она оказалась прикованной к постели?

Что же мы имеем? Если до этого у меня были какие-то сомнения, то после того, как я увидела себя в зеркале, они отпали. Меня забросило в другой мир, в другое тело. Не знаю, как

это работает... как это получилось, но, если только я не сошла с ума, то вот результат. Что же в таких случаях полагается делать?

Фэнтези-книг о попаданцах мною в своё время было прочитано достаточно, чтобы всё же поверить в происходящее, а не списать это на помрачнение рассудка и плод воспалённого сознания. Да и учитывая всё то сверхъестественное, что наполнило мою жизнь в последний месяц, я уже была способна поверить во что угодно. Большинство книжных сюжетов о попаданцах развивалось по одному сценарию: вскоре после «перемещения» герою являлся некий маг или мудрец и сообщал, что тому каким-нибудь невнятным пророчеством суждено победить некое великое зло. Но сперва герою надо пройти обучение добыть оружие, чтобы сокрушить это самое зло, совершить подвиг, или каким-нибудь иным способом доказать, что он действительно Избранный и достоин спасти мир. Герой отправлялся в странствие, по пути обзаводился компанией верных друзей и в четырёх случаях из пяти обнаруживал у себя магический дар. В итоге он побеждал главного злодея, а сам становился королём, или архимагом, или народным героем. Если попаданец был мужчиной, то нередко он получал в качестве бонуса гарем из эльфиек, а если женщиной – то прекрасного принца на белом коне, с которым они потом жили долго и счастливо. Впрочем, в последнее время прекрасные принцы были уже не в моде, так что героини переключались на опасных и, в общем-то, отрицательных героев, которых они перевоспитывали в принцев.

Надо будет потом поискать в доме и мудреца, и злодея, и прекрасного принца. И коня.

А если серьёзно, то я совершенно не представляла, что делать дальше. Никакими особыми знаниями и необходимыми для выживания навыками я не обладала. В некоторых случаях герой в книгах получал память человека, в тело которого он вселялся, но никаких чужих воспоминаний в моём собственном сознании не всплывало. И сколько же я смогу обманывать окружающих, что я не та, за кого себя выдаю?

И... Кто мне вообще смог бы помочь? Все мои близкие... Мои родители, Тея, Шарлотта, Алекс, Мартин... Для них я так и погибла в той аварии. Как я буду дальше без них? Пусть я весьма уверенно доказывала Джеймсу, что необщительна и прекрасно справляюсь со всем самостоятельно, но ведь я никогда не оставалась одна. Моя семья и друзья всегда присутствовали в моей жизни. Пусть не всегда рядом, но они были, и я точно знала, что, если что-то случится, они помогут и поддержат! А теперь? Как я буду жить дальше? Совсем одна?..

На глаза сами собой навернулись слёзы, которые мне не удалось сдержать. Я хочу обратно! Хочу домой! Я не просила отправлять меня в другой мир!

Где-то через полчаса, когда глаза уже жгло и я наревелась почти до икоты, слёзы начали иссыхать. Я неловко стёрла мокрые дорожки широкими рукавами ночной сорочки, стараясь не коситься на своё новое отражение в зеркале. Кстати... Тут я нервно дёрнулась, только сейчас сообразив, что эгоистично позабыла о ещё одном очень важном моменте.

Что произошло с Ричардом? Выжил ли он? Или тоже погиб, только ему повезло меньше, и его земной путь именно тогда и закончился? Этого я никогда не узнаю...

А мои родители? Они же с ума теперь сойдут! Каково им было, когда в Турин позвонила Тея с заявлением, что я разбилась в автокатастрофе?

В этот момент мне стало понятно, что слёзы вылились ещё не все, и снова взять себя в руки я смогла далеко не сразу. Больше всего мне хотелось залезть с головой под одеяло, чтобы весь этот незнакомый мир со своими законами остался где-то в другой реальности, которая мне лишь привиделась в страшном сне. Но, если задуматься... Выбор у меня не такой уж большой. Там, на перекрёстке, как я в итоге поступила? Ведь у меня уже был шанс закончить всё и умереть!

Именно так поступила настоящая «мисс Барнс», когда пошла дальше, к свету. Я выбрала другой путь, захотела жить. Вот он, мой второй шанс – пусть и такой... своеобразный. Не упусти его! Моё настоящее тело, тело Джейн Эшфорд, должно быть, так и погибло в той аварии;

мне же дали ещё одну возможность. Пускай в другом месте, в другом мире, в другом теле... но я её не упущу. Я приспособлюсь. Научусь и выживу.

Новые впечатления, как и принятие этого решения, отняли у меня слишком много сил. Едва добравшись до кровати, я снова отключилась и проспала почти целый день.

* * *

Головная боль постепенно уходила. Через три дня разглядывание трещин и узоров на потолке мне надоело окончательно и, когда горничная принесла мне на подносе бульон на обед, я потребовала ванну. Не мыться почти целую неделю – ужас какой... Девушка исчезла, и чуть погодя вернулась в сопровождении всё той же высокой женщины, которая остановилась у кровати, буравя меня строгим, недовольным взглядом. Вблизи я рассмотрела, что она была далеко не старая, но своей сухостью напомнила мне воблу. На ней было тёмно-зелёное платье с длинными рукавами и высоким глухим воротником, к которому была приколата брошь из оникса. У меня немедленно возникла ассоциация с вредной гувернанткой. Я сделала максимально честные глаза, но ту это нисколько не впечатлило.

– Значит, вы уверены, что чувствуете себя хорошо, мисс Барнс? – и голос такой резкий, словно я перед ней в чём-то провинилась!

– Гораздо лучше. Спасибо, – прошелестела я, понятия не имея, как к ней обращаться.

Та неодобрительно покачала головой, но внезапно пошла на компромисс:

– Я пошлю за доктором Митчеллом.

– Вы очень добры.

Доктор появился через пару часов. «Гувернантка» вновь сначала тщательно проверила, чтобы я была до подбородка укрыта одеялом, и только потом пропустила уже знакомого толстячка с саквояжем.

– Как вы себя чувствуете, мисс Барнс? – спросил он, даже не пытаясь провести осмотр. Я мысленно пожала плечами и ответила:

– Более чем сносно.

– Вызывает ли что-нибудь беспокойство? Что-нибудь болит?

Это был как раз тот момент, над которым я размышляла последние сутки. Раз мне предстоит выживать в совершенно незнакомом мире, нужно максимально упростить себе задачу. Пожалуй, стоило рискнуть. Ведь, судя по ощущениям, что бы ни произошло с настоящей мисс Барнс, больше всего пострадала её голова...

– У меня провалы в памяти, – выдавила я.

У молоденькой горничной расширились глаза, женщина в зелёном платье сохраняла бесстрастное лицо, а доктор отреагировал совершенно спокойно.

– Это не удивительно, ведь вы ушибли голову во время падения. Какого рода провалы в памяти вас беспокоят?

– Я не помню имена... – осторожно, словно пробуя зыбкую почву, начала я, пристально следя за реакцией присутствующих. – Не помню последних событий.

Доктор Митчелл смотрел на меня с самым живым интересом.

– И при этом вы чувствуете себя намного лучше?

– Да.

– Весьма любопытно, – пробормотал он, изобразив сочувственное выражение лица. – Мисс Барнс, пускай это вас не тревожит. Небольшая потеря памяти вполне ожидаема после этого несчастного случая. Полагаю, что память в скором времени вернётся. Мисс Грэм, – обратился он к вобле. – Полагаю, мисс Барнс может подняться с постели. Разумеется, она не должна волноваться и нервничать. И выходить из дома в ближайшее время я бы не советовал...

– Благодарю вас, мистер Митчелл, – вежливо отозвалась та, и доктор, слегка поклонившись мне на прощание, пожелал скорейшего выздоровления и удалился.

Ещё через час я уже нежилась в горячей ванне. На практике это оказалась бадья, которую две горничные с трудом затащили в мою комнату и ещё полчаса наполняли горячей водой, таская тяжёлые вёдра. Закончив это дело, одна ушла, а та, которую я уже запомнила, осталась в комнате, явно ожидая от меня каких-то действий. В первый момент я растерялась, поскольку в своей реальности привыкла мыться одна, но потом вспомнила, что в старые времена (а меня, похоже, забросило в параллельный мир, отстававший от нас в развитии минимум на столетие) прислуга помогала господам при водных процедурах. Потом я подумала, что тело, в общем-то, всё равно не моё, так что стесняться особо нечего, и сбросила ночную рубашку, надоевшую мне хуже горькой редьки.

Горячая вода и ощущение чистоты позволили мне вновь почувствовать вкус к жизни. Горничная помогла мне вымыть голову, потом я долго сидела у разожжённого камина и сушила волосы, потом та же девушка (во время купания я выяснила, что её зовут Сара) причесала меня. Моё отражение в зеркале после купания заметно похорошело: светлые волосы распушились и вьющимися волнами обрамляли привлекательное личико, которое слегка вернуло краски. В этот момент я подумала, что, пожалуй, всё складывается не так уж и плохо. По крайней мере, я попала в тело девушки из привилегированного сословия, что позволяет мне сидеть на месте и ничего не делать, пока всю работу за меня выполняют слуги.

Затем начался процесс одевания, в котором я почти не участвовала, поскольку та же Сара помогала мне одеться. Вот на этом этапе я подумала, что не так уж мне и повезло с обретением нового тела. Увидев собственными глазами количество одежды, которую на меня вознамерились надеть, я потеряла дар речи и только молча глазела на происходящее.

Сперва шла лёгкая сорочка без рукавов. Поверх неё надевался корсет, на который я уставилась, как на средневековое орудие пытки, поскольку была наслышана о том, какие травмы женскому организму он наносил. Чтобы горничная зашнуровала его, мне пришлось ухватиться за столбик полога кровати и терпеливо перенести экзекуцию, после которой дышать мне удавалось неглубоко и с трудом. Я немедленно почувствовала себя героиней Киры Найтли в фильме «Пираты Карибского моря». Потом шла ещё одна сорочка – приталенная, потом странного вида подкладка, которую мне закрепили сзади ниже талии, потом нижняя юбка... В итоге, когда на меня наконец-то надели весь наряд целиком, я обнаружила на себе чёрное строгое платье с турнюром, которые носили у нас конце девятнадцатого – начале двадцатого века. Что ж, по крайней мере, меня не занесло в дремучее средневековье, где меня вполне могли бы сжечь на костре как ведьму. И на том спасибо.

Голова кружилась от недостатка воздуха, двигаться под несколькими слоями ткани было тяжело, да и весило всё платье целиком килограммов десять. Пожалуй, теперь я могла представить себе, почему дамы раньше обязательно носили с собой нюхательные соли и по любому поводу падали в обморок. Это была не блажь, а настоящая жизненная необходимость...

Впрочем, оглядев себя в зеркало, я констатировала, что выгляжу не так уж и плохо. Ношение корсета меня по-прежнему смущало... Но зато с уверенностью можно сказать, что в своём родном двадцатом веке о такой тонкой талии я могла только мечтать.

Пока я ходила взад-вперёд по комнате, привыкая к собственной неповоротливости и стараясь найти нормальный ритм дыхания, в комнату снова зашла мисс Грэм. На меня она смотрела по-прежнему недружелюбно, но мне показалось, что она относилась к той породе людей, которые в принципе очень редко бывают чем-то довольны. В руке она держала распечатанное письмо, а на её поясе я только сейчас заметила связку ключей.

– Ваш кузен будет очень рад услышать, что вам лучше, – чопорно сообщила она. – А ваш жених прислал письмо, в котором осведомляется о вашем здоровье. Полагаю, я могу ему ответить, что опасность миновала, и свадьбу можно не переносить?

Она кивнула на лист бумаги в руках, а я ощутила острое желание изобразить умирающего лебедя и объявить, что я ещё слишком слаба для подобных новостей. Так у меня, оказывается, ещё и жених имеется?

– Ж-жених?.. – переспросила я, стараясь говорить как можно равнодушнее.

Но от мисс Грэм мой растерянный вид не укрылся, и мне показалось, что она лишь в последний миг спрятала саркастическую усмешку:

– Вы и его не помните?

Я промолчала, а она продолжила, причём на секунду мне почудилась в её голосе неприкрытая ирония:

– Рекомендую вспомнить. Весь Лондон ждёт вашей свадьбы, как самого значительного события в этом сезоне.

В этот момент в коридоре раздался какой-то шум и звон. Как выяснилось, одна из горничных позабыла в коридоре ведро, в котором носила горячую воду, а сейчас в темноте кто-то налетел на него, не заметив. На лице «гувернантки» на секунду отразилось раздражение, и она устремила к дверям, оставив распечатанное письмо на туалетном столике.

Не обращая ни малейшего внимания на её гневный голос, доносившийся из коридора, я торопливо схватила письмо. Слова расплывались перед глазами, не желая складываться в предложения, так что в итоге я смогла разглядеть лишь дату вверху страницы.

«10 мая» – было написано там. – «1885 год».

Глава 2

Остаток дня прошёл для меня, как в тумане. К счастью, у мисс Грэм нашлись какие-то свои дела, из-за чего она до вечера не появлялась в поле зрения, а горничные были заняты работой по дому, и я осталась предоставлена самой себе. Голова кружилась, и, пока горничные убирались в моей комнате – взбивали перины, чистили камин и подметали пол, – я отправилась исследовать дом. На втором этаже я обнаружила небольшую библиотеку и, недолго думая, уединилась там. Мне было необходимо побыть в одиночестве и немного прийти в себя.

Только сейчас, увидев дату на письме, я окончательно осознала, что со мной произошло. Моя жизнь никогда не станет прежней. Мои родители, моя сестра, Шарлотта, Алекс и Мартин, в общем-то любимая работа, даже Патрик – всё осталось в совершенно другой реальности.

Впрочем, о чём это я? С хронологической точки зрения никто из них ещё даже не родился! Деятнадцатый век на дворе! От таких мыслей впору было спать.

Я смахнула вновь набежавшие слёзы. За прошедшие дни я так и не смогла привыкнуть к тому, что вся моя предыдущая жизнь в один момент оказалась отрезана, начисто стёрта. Нельзя раскисать, надо держать себя в руках... Я знаю, знаю, но как же отчаянно мне хотелось обратно, в свой привычный мир!

Когда первое потрясение, смешанное с безнадёжностью, неохотно отступило, я снова вернулась к раздумьям, каким образом подобное могло произойти. Конечно, истории о попадании в фэнтези хороши, но в реальной жизни их не применишь. Ещё месяц назад я бы сказала, что то, что произошло со мной, совершенно невероятно и не поддаётся объяснению. Но, встретив настоящих магов и слегка соприкоснувшись с их миром, я уже могла сказать, что со мной случилось. Что там Майкл и Розмари рассказывали о людях, которые могут переноситься во времени, не контролируя этот процесс?

Путешественница во времени. С ума сойти, как подобное вообще возможно? Почему я? Кто-то из предков был магом, и мне не повезло унаследовать ген, отвечающий за подобную магию? Или такие перемещения происходят абсолютно произвольно, и на моём месте мог оказаться любой? Механизм «обмена телами» с той мисс Барнс был мне теперь вполне понятен. Я пошла по пути, по которому пришла она, и оказалась в её теле. Возможно, если бы она пошла по «моей» дороге, она бы очнулась в 2015 году и стала Джейн Эшфорд. Но девушка предпочла умереть и закончить всё.

Странно, но этот вывод принёс мне облегчение. При одной только мысли, что какая-то незнакомка могла занять моё место в моей семье и в моей жизни, в то время как я оказалась в ловушке здесь, у меня затряслись руки, и от тоски и безысходности захотелось завывать. Кажется, я отдала бы всё на свете, лишь бы вернуться назад!

Следующее утро началось для меня со знакомства с новым лицом. В сопровождении мисс Грэм я спустилась в столовую и только в этот момент обратила внимание на ещё одну деталь моего нового тела.

Настоящая мисс Барнс была невысокого роста. Мне, привыкшей в своём времени смотреть на окружающих чаще всего сверху вниз, было непривычно постоянно задирать голову, чтобы видеть лицо собеседника.

При нашем появлении, из-за сервированного овального стола, широко улыбаясь вскочил молодой человек, который бросился ко мне с самой живой непосредственностью, так что мне даже показалось, что он сейчас заключит меня в объятия. Но нет – он ограничился тем, что порывисто схватил меня за руки и горячо потряс их:

– Бетси, ты даже не представляешь, как я счастлив, что ты выздоровела!

Я постаралась изобразить на лице такую же радость от встречи, лихорадочно размышляя, кто это может быть. Точно не отец и не дядя – возраст не тот. Брат? В доме, где живут две женщины, мужчине, не связанному с ними родственными узами, делать было нечего.

– Сэр Перси, прошу вас, осторожнее, – строго осадил его мисс Грэм. Каким-то невероятным образом ей удалось сочетать в своём голосе непреклонность с почитительностью. – Ваша кухня ещё недостаточно окрепла.

Так же стремительно, как взял меня за руки, он их выпустил, и в жесте раскаяния сложил ладони на груди, пока я хвалила себя за сообразительность.

– Прости, Бетси! Я такой болван!

– Ничего страшного, – я улыбнулась.

– Но, раз ты уже встала, то не откажешься от завтрака?

Он подскочил к стулу, отодвинув его красивым жестом, который у нас остался где-то в далёком прошлом, и предложил мне сесть.

Я не стала отказываться и послушно опустилась на стул, хотя в турнюре делать это было чудовищно неудобно. «Мой» брат – а точнее, кузен – тем временем помог сесть и мисс Грэм, причём ей это удалось сделать с гораздо большим изяществом, чем мне.

Молодой человек вернулся на своё место, и мы приступили к завтраку. Несмотря на предложенные яства – омлет, ветчину, кровяную колбасу, жареные грибы, тосты, рогалики, сыр и мармелад, – ела я мало. Меня здорово смутили столовые приборы – они лежали по обе стороны от тарелки небольшими рядами, как в каком-нибудь историческом фильме. Кусок в горло не лез по двум причинам: из-за давящего корсета, а также из-за сурового взгляда сидевшей напротив меня мисс Грэм. По её приподнятым бровям я поняла, что пару раз с выбором вилки и ножа всё же ошиблась. Как я уже успела убедиться, она являлась не моей гувернанткой (мисс Барнс уже точно вышла из учебного возраста), а моей компаньонкой и выполняла роль почётного эскорта и надзирательницы одновременно. И кто её ко мне только приставил? И куда делись мои родители?

Будучи не в силах в полной мере насладиться предложенными блюдами, я рассматривала окружающую обстановку и людей, составляя своё мнение. Кузен поглощал завтрак со здоровым аппетитом, не забывая поддерживать непринуждённую беседу. По большей части он говорил о светских приёмах лондонского высшего общества, в которое мы входили, и о каких-то наших общих знакомых, имена которых мне ничего не говорили. Я отвечала односложно, механически кивала и улыбалась, как китайский болванчик, так что мисс Грэм в конце концов сжалилась надо мной и объяснила молодому человеку, что я частично потеряла память.

– Бедняжка Бетси! – воскликнул он, участливо глядя на меня. – Не могу себе вообразить, каково тебе сейчас!

И продолжил рассказывать. Самочувствие «бедняжки Бетси» его, похоже, волновало на уровне обычной вежливости, что меня слегка удивило, однако не расстроило. Чем меньше окружающие обращают на меня внимание, тем лучше, по крайней мере, сейчас.

На вид кузен был примерно моим ровесником... прошу прощения, лет на пять-шесть старше меня, принимая во внимание мой новый возраст. Это был довольно привлекательный молодой человек среднего роста, светловолосый, несомненно обаятельный и очень непосредственный. Такой наверняка становится душой любой компании и с лёгкостью находит общий язык с кем угодно. С мисс Грэм он говорил с уважением, со мной – дружелюбно и слегка покровительственно. Но почему двоюродные брат и сестра вдруг живут под одной крышей? И где родители этой девушки, которые за несколько дней никак не давали о себе знать? На ум пришла вполне очевидная догадка, и я ещё раз оглядела окружающих. На кузене – кстати, было бы неплохо узнать его имя – был серый сюртук, на нас с мисс Грэм – тёмно-серые унылые платья. Никаких ярких цветов или украшений. Чтобы проверить свои подозрения, я непринуждённо поинтересовалась:

– Могу ли я сегодня ненадолго выйти из дома? Мне хотелось бы прогуляться. Немного развеяться.

От перспективы в одиночестве гулять по Лондону девятнадцатого века мой живот скрутило, но мне было необходимо проверить реакцию остальных.

– Доктор Митчелл сказал, что вам пока рано выходить, – непреклонно изрекла мисс Грэм и нахмурилась, из-за чего тонкие черты её лица заострились ещё больше. – И понятие «развеяться» в вашем положении неуместно. Дождитесь окончания траура.

Что и требовалось доказать. Осталось только выяснить, кто из родителей недавно умер. Кстати, сколько времени с этого печального события могло пройти? Год? Вероятно, раз траур уже нестрогий. В противном случае мы бы все были облачены в чёрное.

– Мисс Грэм, не будьте столь суровы, – добродушно вмешался кузен и сочувственно улыбнулся мне. – У Бетси срок траура почти истёк. И не забудьте, что через каких-то два месяца она выходит замуж. Свадьба ведь уже второго июля!

Вот это поворот!

– Что тоже не слишком поощряется обществом, – с упорством средневекового монаха, доказывающего, что Земля плоская, продолжила за него мисс Грэм. – Раз вы, сэр Перси, настаиваете на том, чтобы свадьба не переносилась, то вашей кухне следует соблюдать приличия, как всякой благовоспитанной девице. Но всё равно, свадьба сразу после траура...

– Это не только моё желание, так пожелал и граф, – молодой человек пожал плечами, хотя по его лицу становилось понятно, что пожелание графа он целиком разделял. – Твой жених, Бетси, выразил надежду, что твоя болезнь не повлечёт за собой отмену свадьбы, и я его поддержал. Граф был очень рад, что тебе стало лучше.

– Я польщена, – пробормотала я, за что заслужила долгий задумчивый взгляд мисс Грэм, и мысленно дала себе оплеуху. Нельзя здесь так говорить! Не расслабляйся, следи за каждым словом!

Признаться, известие, что меня забросило в Лондон в конец девятнадцатого века, меня не слишком обрадовало. Викторианская эпоха... Не так уж много я о ней знала. Мои родители-историки занимались итальянским Возрождением и эпохой Просвещения и, следовательно, разговоров о девятнадцатом веке у нас дома не велось. Все мои познания об этой эпохе были почерпнуты из фильмов и исторических романов, вроде «Джен Эйр» или книг Диккенса. Но и то, что мне было известно, оптимизма не внушало. Медицина, гигиена, наука, техника, конечно, уже развились до вполне сносного состояния, но с родным двадцатым первым веком не сравнить. Электричество постепенно входит в повседневный обиход, телефон, кажется, тоже уже изобрели, но о развитых технологиях моего времени теперь можно забыть. Чёрт, да Джек-Потрошитель начнёт убивать своих жертв только через три года! Что ещё я знаю об этой эпохе? Множество ограничений для женщин, особенно высокого происхождения – нельзя выходить из дома в одиночку, нельзя оставаться с мужчиной наедине ни на секунду, если только вы не родственники, нельзя разговаривать с незнакомцами... Неудивительно, почему мисс Грэм так тщательно следила, чтобы я была целиком укрыта одеялом, прежде чем впустить в комнату врача. Феминизм здесь пребывает в самом зачаточном состоянии, и для женщины существует всего один вариант устроиться в жизни – выйти замуж. Я ничего не имела против замужества и детей в целом, но не когда она становилась единственным способом самореализации. Правда, насколько я помню, девушки-бесприданницы, которые не могли найти себе мужей, становились компаньонками или гувернантками и своими силами зарабатывали себе на хлеб. Однако в семьях, где им приходилось работать, они занимали промежуточное положение между хозяйками и прислугой, и потому последняя относилась к ним без какого-либо почтения.

Я бросила быстрый взгляд на мисс Грэм. Пожалуй, здесь всё же ситуация зависит от каждого человека по отдельности, поскольку эту даму не только прислуга, но и мой кузен побаивается...

Надо бы выяснить, кто является моим женихом. До свадьбы меньше месяца, так что времени у меня осталось мало. Если не понравится – найти способ разорвать помолвку и избежать брака, поскольку мне совершенно не улыбалось провести остаток жизни в зависимости от человека, который не вызывает у меня никаких положительных чувств. Только этого не хватало! Никому не позволю мной управлять! Уж лучше стать компаньонкой, честное слово!

Последняя мысль натолкнула меня на новые размышления. Насколько завидной невестой я здесь считаюсь? Мисс Грэм обратилась к кузену «сэр» – значит, вероятнее всего, он баронет, одна из низших ступеней в иерархии английских пэров. А моего жениха называли графом? Титул более высокий, несомненно, и тогда неудивительно, что кузен не пожелал отменить свадьбу: ведь громкое имя в Англии весило больше любого состояния. А вот зачем тогда этот неизвестный граф решил жениться на мне, сестре баронета? По большой и чистой любви? Может, у меня огромное приданое, и, если открыть входную дверь, то можно будет увидеть очередь из безутешных поклонников, жаждущих моей руки?

Я обвела столовую задумчивым взглядом, вспомнила трещины на потолке в моей комнате, потемневшие обои, и качнула головой. Нет, вряд ли. Дом явно нуждается в ремонте, да и прислуги почти нет. Я видела только двух горничных, включая Сару, и на кухне наверняка имеется кухарка. А вот в столовой нам с мисс Грэм стулья отодвигал сам Перси, не предоставив это важное дело лакеям, которых, скорее всего, просто нет. Потом посмотрела на связку ключей, которая по-прежнему была пристёгнута к поясу компаньонки. Мисс Грэм, должно быть, выполняет ещё и роль экономки, и тогда можно с уверенностью сказать, что финансовое положение этой семьи оставляет желать лучшего. У них просто нет денег, чтобы нанять прислугу.

Впрочем, возможно, у меня есть какое-то приданое, которое закреплено строго за мной и должно будет перейти будущему мужу – это было единственное объяснение, которое я смогла придумать в качестве основания желанию графа срочно жениться на мне, невзирая на травму головы и траур. Есть, конечно, вероятность, что он без ума от моего ума и неземной красоты, но особо я бы на это рассчитывать не стала. Кстати, а есть ли у меня в данный момент хоть что-то, что принадлежит только мне? Когда женщины в Англии получили право наследовать имущество и распоряжаться им? Не помню, хоть убей...

– Не огорчайся, Бетси, – сэр Перси ободряюще улыбнулся. – Как только ты станешь графиней, сможешь снова ездить с визитами, принимать гостей и кататься верхом. Надеюсь, это досадное происшествие в Гайд-парке не повлияло на твою любовь к верховой езде?

Час от часу не легче! Я, оказывается, ещё и верхом катаюсь!

– Ммм... – неопределённо промычала я, мысленно взывая к мисс Грэм, умоляя её вмешаться и ответить за меня. Но эта гримза продолжала маленькими глоточками пить чай, глядя на меня с выражением самого вежливого ожидания, и я промямлила:

– Не уверена, что смогу в ближайшее время сесть на лошадь...

– Понимаю, Бетси, – кузен вздохнул. – Даже не знаю, что тогда нашло на Нелли. Она же всегда была такая смиренная! Что могло так напугать её в парке? Никто и предположить не мог, что она сбросит всадницу, да ещё на полном скаку!

Ах, вот что со мной произошло! Падение с лошади... ясно. Настоящая мисс Барнс, должно быть, пресильно ударила головой и расшиблась. И ей полагалось умереть из-за этого несчастного случая, а тут появилась я.

Но, как бы то ни было, ни о какой верховой езде не может быть и речи. Я к лошади и подойти-то побоюсь, не то, что забраться на неё и попробовать прокатиться...

Сколько же ещё будет таких промахов? Сколько всего должна уметь благовоспитанная молодая леди в девятнадцатом веке, чего не умею я? Рукодельничать, допустим, с грехом пополам я смогу. А танцы? Игра на музыкальных инструментах? Пение? Рисование? Вот здесь я опозорюсь по полной программе, потому что ничем таким в жизни не занималась. Надо выяснить – может, здесь в высшем обществе кто-нибудь увлекается древнеирландским? Вот тут

я бы смогла проявить себя как неплохой собеседник... Чего ещё следует ожидать от тысяча восемьсот восемьдесят пятого года?

В этот момент меня прошиб холодный пот, несмотря на тёплое помещение и килограммы одежды на мне. Чёрт возьми, как я не подумала об этом раньше? Тысяча восемьсот восемьдесят пятый год! Сколько раз я видела эту цифру и слышала о ней за последний месяц! Тот самый год, когда в Лондоне совершали жертвоприношения! Год, когда маги обратились за помощью к обычному человеку, когда был убит колдун, а Джеймс стал тёмным магом! Волнение, охватившее меня, было настолько сильным, что у меня едва хватило сил усидеть на месте, а не вскочить и не начать кружить по столовой.

Так. Что теперь делать? Если верить словам Розмари, в девятнадцатом веке убийства всколыхнули весь Лондон. К сожалению, в Интернете или по телевизору последние новости здесь не узнаешь. Почитать местные газеты? Хорошая мысль... Я скользнула взглядом по лицам собеседников и чуть улыбнулась. Можно поступить ещё проще. Сэр Перси и мисс Грэм должны были хоть что-то о них слышать. Как бы мне теперь аккуратно расспросить, что обычные люди знают о проведённых ритуалах?

Призвав на помощь все свои филологические знания, и перебрав в памяти корешки книг, которые я вчера видела в библиотеке, я ещё пару секунд помедлила и ринулась с места в карьер:

– Дорогой кузен, а не читал ли ты в недавнем времени книги Мэри Шелли?

Если перемена темы его и удивила, то он этого никак не показал, а охотно откликнулся:

– В недавнее время – нет, но её роман «Современный Прометей»¹ я когда-то прочитал с большим удовольствием. А почему ты спрашиваешь, Бетси? Неужели тебя заинтересовали готические романы?

– О да! – горячо подтвердила я, и у мисс Грэм одна бровь взмыла высоко вверх. Кузен же, кажется, не видел ничего подозрительного. – Это было очень интересное чтение. И страшное! Я несколько ночей не могла уснуть!

– Стоит ли в таком случае молодой девушке читать подобные вещи? – с мягкой укоризной попенял он мне, но я лишь мило улыбнулась и похлопала глазами. Учитывая несколько кукольную внешность мисс Барнс, должно было получиться весьма наивно.

– Возможно, ты прав, кузен, – и смиренно опустила взор в тарелку. – Но я так счастлива, что подобным ужасам нет места в настоящей жизни! Что не существует подобных монстров, и никто не будет убивать людей в таких количествах!

В этот момент глаза пришлось поднять, чтобы не пропустить реакции окружающих, но она меня заметно разочаровала. Я ожидала тревоги, растерянности, удивления, гнева – любых эмоций, которые подтвердили бы, что я права. Но вместо этого сэр Перси только рассмеялся.

– Глупости, Бетси. Не беспокойся, это всего лишь книга. Бояться нечего!

– Мисс Барнс, вам стоит воздержаться от чтения подобных вещей, – холодным тоном добавила мисс Грэм и возмущённо фыркнула. – Читать такие отвратительные романы! Как вульгарно!..

Я сделала виноватое лицо, но в мыслях была уже далеко отсюда. Странно. Либо Розмари сильно приукрасила действительность, и на самом деле далеко не весь Лондон был осведомлён об убийствах... Либо меня забросило в какую-то иную реальность, где эти ритуалы вовсе не происходили.

¹ Роман М. Шелли «Франкенштейн или Современный Прометей», 1818 г.

Глава 3

Следующие два дня прошли совершенно тихо и спокойно. Для меня, ожидавшей на каждом шагу какого-то подвоха, подобное затишье стало неожиданностью. Разумеется, я ничего не имела против, и попыталась использовать это время с толком, стараясь разобраться в происходящем, чтобы побыстрее приспособиться к новым условиям. Сделать это за такой короткий промежуток времени в ограниченном четырьмя стенами пространстве было не так просто, но кое-какие выводы напрашивались сами собой.

Мой круг занятий и впрямь оказался крайне ограничен. Чтение, вышивание, раскрашивание экранов для светильников – вот, по большому счёту, и всё. Правда, в доме была ещё музыкальная комната, где я видела фортепьяно, но я старательно обходила её по широкой дуге, поскольку боялась, что мисс Грэм усадит меня играть. Из дома я в эти дни не выходила, да и подозревала, что в ближайшее время самое большее, куда мне позволят сходить, – это в церковь. Многокилограммовые длинные платья до пола и корсеты здорово отравляли жизнь, и ещё я мечтала о горячем душе и кондиционере. С наступлением темноты меня одолевала скука – и хотя уличное освещение в конце девятнадцатого века уже было преимущественно электрическим, в домах продолжали использовать газовое, которое, конечно, заметно уступало в яркости. Портить внезапно обрётённое зрение мне не хотелось, и потому по вечерам я не пыталась ни читать, ни рукодельничать, а вместо этого обдумывала свои впечатления от прошедшего дня.

Из подслушанных обрывков разговоров горничных, из сухих замечаний мисс Грэм, поведения сэра Перси и всех своих призванных на помощь знаний о нашей истории я установила, что отец мисс Барнс был баронетом. Около года назад он попал под сильный дождь и промок насквозь. Простуда переросла в сильную лихорадку и, по всей видимости, воспаление лёгких. После его скоростижной смерти титул и большая часть имущества перешли к ближайшему наследнику мужского пола – его племяннику Перси. Насколько я могла судить, он и раньше был легкомысленным молодым человеком, а получив наследство от дяди, с удвоенным рвением ринулся его проматывать. Собственно, дома я видела сэра Перси только по утрам. Вскоре после завтрака он отправлялся со своими друзьями в клуб или на скачки, или на иные развлечения и возвращался домой далеко за полночь, когда мисс Грэм уже загоняла меня спать. Сначала я удивилась, почему кузену можно было свободно бывать в свете, а мне нет, хотя родственники мы, вроде, лишились вместе. Но потом оказалось, что сроки траура у нас различались: мне, потерявшей «отца», следовало ждать год; ему же, потерявшему дядю – всего несколько месяцев. Ох уж эта викторианская мораль с её нормами...

Я же – сирота и единственная дочь сэра Реджинальда Барнса – перешла под опеку двоюродного брата, и тот видел теперь свою задачу в том, чтобы обеспечить мне достойное будущее. Говоря проще – найти мне респектабельного мужа, за которым я буду, как за каменной стеной. Задача оказалась не из лёгких, потому что финансовое положение невесты было весьма скромным. Когда я убедилась, что в доме почти не было прислуги, то заподозрила, что наследство сэра Реджинальда было не таким уж и большим, а мисс Грэм потом подтвердила мне это, когда напомнила о важности моего замужества. Как выяснилось, семья Барнсов была на грани разорения, и из имущества у неё оставались всего лишь дом в городе и небольшое полуразрушенное поместье где-то в Корнуолле, которое грозило в скором времени превратиться в руины. На его восстановление потребовались бы немалые средства, которых у семьи попросту не было. Предыдущий баронет Барнс был очень образованным и увлечённым человеком, который интересовался историей, географией, литературой, иностранными языками и не делал ничего, чтобы хоть как-то улучшить собственное благосостояние. Дом ветшал, прислуга

расходилась, пока не остались лишь две горничные и кухарка; поместье разваливалось, и с появлением нового баронета ситуация продолжала ухудшаться.

А потом выяснилась деталь, которая заинтересовала меня ещё больше. Городской дом после смерти сэра Реджинальда по умолчанию перешёл к Перси как к ближайшему наследнику мужского пола, а вот владелицей поместья в далёкой глуши внезапно стала я – это было оговорено в завещании особым пунктом. В первый момент эта новость меня приятно удивила – всегда приятно сознавать, что у тебя есть какое-то имущество, – а потом я сообразила, что от этого наследства толку всё равно не будет. Кому нужен клочок земли с разрушенным домом где-то у чёрта на рогах? Зачем его вообще оставили лично мне? Из каких-то сентиментальных воспоминаний?

Вот и сэр Перси несколько не расстроился из-за того, что поместье досталось не ему, и начал подыскивать кузине жениха, прекрасно понимая, насколько сложное дело ему предстоит. Подыскивал он деликатно, пока только присматриваясь к возможным претендентам – всё-таки Барнсы соблюдали траур, и общество осудило бы излишнее рвение даже в столь важном вопросе. Но вмешалось Провидение – иначе это не назовёшь, – и некий граф изъявил самое горячее желание жениться на мне сразу после окончания траура. Такая поспешность меня искренне удивила – приданое у невесты было весьма скромным, громкого имени у неё не было, в свете особым успехом она не пользовалась, да и с женихом была едва знакома. Моё богатое воображение немедленно нарисовало перед глазами дряхлого, уродливого и похотливого старика, возжелавшего юную и прекрасную меня, и я рассмеялась при виде этой картинки. Вот что делают привычные стереотипы, прочитанные романы и просмотренные фильмы!

Но подозрение, что дело здесь нечисто, меня не отпускало. Кузена же если такая поспешность и удивила, то он предпочёл закрыть на неё глаза. Судя по тому, что я успела о нём узнать, сэр Перси был, в общем-то, неплохим человеком. Ко мне он относился дружелюбно, но за личность как таковую не считал – что неудивительно для эпохи, где женщины только начинают отстаивать свои права. К сватовству графа он отнёсся более чем благосклонно, потому что родство с носителем такого титула открыло бы перед ним ранее закрытые двери, да и от лишних двух ртов в лице нас с мисс Грэм он бы избавился.

Компаньонка, кстати, жила в этой семье уже семь лет и приходилась Барнсам какой-то дальней роднёй – настолько дальней, что определить степень родства, кажется, затруднялась даже она сама. Для Барнсов она оказалась настоящим спасением. Жена сэра Реджинальда умерла много лет назад, и неуклонно приходящее в упадок хозяйство должен был кто-то поддерживать. Появление на пороге дальней родственницы, оставшейся без средств к существованию и перешедшей в разряд старых дев, оказалось как нельзя более кстати. Поначалу мне казалось, что эта дама представляет из себя классический вариант злой «гувернантки», по любому поводу придирающейся к своей подопечной, но вскоре я убедилась, что это было не так. То есть, когда я попадалась ей на глаза, мисс Грэм не упускала случая сделать мне замечание (и подозреваю, что в большинстве своём они были по делу), однако она вовсе не стремилась всё время держать меня в поле зрения и контролировать каждый мой шаг. Вовсе нет, днём, когда сэра Перси не было в особняке, она могла оставаться в своей комнате, заниматься какими-то хозяйственными делами, а то и вовсе уходила из дома и пропадала по много часов.

Таким образом, я оставалась предоставлена самой себе. Компании у меня не было: у горничных весь день был расписан по минутам, так что я только видела, как они убирали комнаты, чистили камин, стирали, гладили, чинили одежду, по очереди ходили за покупками с полной пожилой женщиной – кухаркой Барнсов, последней обитательницей этого дома. Со мной они предпочитали держаться на расстоянии. С визитами к Барнсам тоже никто не приходил, что меня несколько удивило. Да, мисс Барнс продолжала соблюдать траур, но это была уже его последняя стадия, когда в одежде допускаются, помимо чёрного, неяркие цвета, и можно понемногу выходить в свет. Ведь настоящая Бетси погибла из-за несчастного случая в парке!

Однако никто из знакомых семьи не спешил меня навещать, и даже от загадочного жениха весточек больше не было. Я даже слегка обиделась – у него невеста чуть не погибла, а он не удосужился не то что её навестить, но даже написать ей! Тогда за каким чёртом ему понадобилось жениться?

* * *

Размеренный ход дней оказался прерван на четвёртое утро после моего выздоровления. Завтрак прошёл в уже привычной «домашней» обстановке, и сэр Перси вскоре отбыл на очередное развлекательное мероприятие. Мисс Грэм же доставили утреннюю почту, и она бегло просмотрела несколько конвертов, прежде чем её внимание надолго занял последний. Пробежав глазами письмо, она бесстрастно поведала:

– Вашего кузена и вас леди Вейлор приглашает на завтрашний музыкальный вечер, который она организует.

По её каменному лицу было невозможно понять, какое впечатление на неё произвела данная новость, и я как можно нейтральнее спросила:

– Я могу отправиться туда?

– Если вы хорошо себя чувствуете, – последовал невозмутимый ответ.

Я искоса взглянула на неё. Компаньонка теперь смотрела скорее задумчиво, и в этот момент мне показалось, что до меня ей не было абсолютно никакого дела. Она думала о чём-то своём, и в мыслях была далека от светского приёма.

– Стоит спросить ещё позволения вашего кузена, – добавила она, и я вернулась в реальность. – Особенно если он не пожелает составить вам компанию.

Я с умным видом кивнула, и тут в дверь постучали. На пороге показалась горничная, которая, сделав книксен, вежливо сообщила:

– С вашего позволения, мисс, сэр Гаррет Уинслоу ожидает вас в гостиной. Он просит прощения за несвоевременное вторжение, но утверждает, что у него очень важное дело.

При произнесении этого смутно знакомого мне имени с бледного лица мисс Грэм точно сорвали маску: губы дрогнули, а в глазах словно сверкнула молния. Но это продлилось какую-то долю секунды, так что я даже усомнилась в том, что это действительно было, и женщина вновь стремительно взяла себя в руки. Поднявшись на ноги, она выпрямила худую спину и холодно процедила:

– Как вульгарно! Он же не представлен! Он сказал, зачем пришёл?

– Нет, мисс.

– Хорошо, – мисс Грэм поразмышляла ещё пару секунд, а затем кивнула горничной:

– Мэри, скажи ему, что я сейчас приду.

– Прошу прощения, мисс, – вид у девушки сделался испуганный, словно она боялась разозлить грозную домоправительницу и компаньонку барышни в одном лице. – Но он утверждает, что должен увидеть мисс Барнс.

– Мисс Барнс?.. – переспросила та, и недоумённо посмотрела на меня, словно вспоминая, кто я такая и откуда здесь взялась. – Даже так? Это любопытно. Пойдёмте, мисс Барнс. Не стоит заставлять джентльмена ждать, – обратилась она ко мне вполне нормальным голосом, а затем, словно сообразив, что выбилась из образа, сурово сдвинула брови и поджала губы. Это сразу состарило её на несколько лет.

– Какая невоспитанность! Появиться в этом доме, не будучи представленным, да ещё во время траура!

Я послушно последовала за ней, не имея ни малейшего представления, кто этот посетитель и зачем ему нужно увидеть меня. Как себя вести? А если кто-нибудь догадается, что я не настоящая мисс Барнс? Я ведь столько ещё не знаю об этом времени... С присутствием

компаньонки во время встречи я уже мысленно смирилась, вспомнив, что в викторианскую эпоху не допускалось даже на минуту оставить незамужнюю девушку наедине с мужчиной, да ещё незнакомым. Какой-то абсурд, честное слово...

При нашем появлении в гостиной с дивана поднялся немолодой человек среднего роста с аккуратно подстриженной бородкой клинышком и слегка поклонился. Он был сед, на носу у него находилось пенсне в золотой оправе. На столе рядом лежал котелок, что означало, как я успела узнать из правил этикета, что гость пришёл ненадолго. Удивительно, но почему-то его благообразные черты показались мне смутно знакомыми. Чувствительнейшая, ведь я даже ещё ни разу не выходила здесь на улицу и не успела обзавестись никакими знакомствами. Но человека напротив я определённо видела раньше. Только где?

Мы с мисс Грэм синхронно присели в реверансах – судя по недовольному взгляду, брошенному на меня компаньонкой, реверанс у меня тоже получился кривой, но мужчина напротив не обратил на это никакого внимания.

– Здравствуйте, мисс Барнс, – поприветствовал он меня и кивнул компаньонке. – Мисс Грэм. До меня дошли слухи о том ужасном происшествии в Гайд-парке, и я счастлив видеть вас в добром здравии, мисс Барнс.

– Благодарю вас, сэр.

– Я должен попросить прощения за мой визит. Надеюсь, вы простите мне мою бесцеремонность, но дело, вынудившее меня нарушить ваш покой, чрезвычайно важное. Мисс Барнс, меня зовут сэр Гаррет Уинслоу. Я близко знал вашего покойного батюшку. Возможно, он упоминал обо мне?..

Я машинально покачала головой, стремительно копаясь в собственной памяти. Неспроста этот человек показался мне знакомым – имя я тоже явно слышала раньше... Мисс Грэм вздёрнула брови, но промолчала, а сэр Гаррет не удивился.

– Мисс Барнс, я возглавляю историческое общество, в которое входил ваш уважаемый отец. Его образованность всегда вызывала восхищение, и он очень многое сделал для нашего общества. Я хотел бы принести вам свои самые искренние соболезнования по поводу утраты.

Я кивнула с постным видом и пробормотала слова благодарности, ожидая основной части. Ох уж эти светские условности... А вот слова собеседника меня не удивили – об увлечении Реджинальда Барнса историей при мне уже неоднократно упоминали кузен и компаньонка.

– Мы полагаем, что у вашего батюшки осталась вещь, изначально принадлежавшая нашему историческому обществу, – наконец перешёл к делу сэр Уинслоу, впери в меня пристальный взгляд сквозь стёклышки пенсне, наблюдая за моей реакцией.

Мне пришлось его разочаровать – эти слова не говорили мне ни о чём, и я продолжала смотреть с миной вежливого ожидания на лице.

– Эта вещь очень важна и представляет из себя деревянную шкатулку со старинными символами. Возможно, вы могли найти её в личных вещах сэра Реджинальда...

– Сожалею, сэр Гаррет, но нет. Мы совершенно не представляем, что вы можете иметь в виду, – ответила за меня мисс Грэм. Она сидела почти неподвижно, но я заметила, что она взволнованно сжимала в руках носовой платок с вышитыми инициалами «АГ». Кажется, моя компаньонка, больше напоминавшая статую, чем живого человека, как раз имела о происходящем вполне конкретное представление, но не собиралась делиться им с окружающими. – Мы не находили ничего подобного. Возможно, вы заблуждаетесь, и у сэра Реджинальда этой вещи никогда не было?

– Может быть, она просто не в Лондоне, – не согласился гость, всё так же благожелательно улыбаясь. – Может быть, она осталась в Корнуолле?..

Мисс Грэм осеклась. По её задумчивому виду я поняла, что последний аргумент оказался ей вполне убедительным.

– Это... маловероятно, – наконец сообщила она.

Сэр Гаррет словно понял, что ничего сейчас не добьётся, и решил сменить стратегию.

– Мисс Барнс, мисс Грэм, я прошу вас поискать эту вещь. Она очень важна для наших исследований, и я уповаю на то, что она к нам вернётся.

– Разумеется, – с самым серьёзным видом пообещала мисс Грэм. Я кивнула, подтверждая её слова, и пожилой джентльмен поднялся.

– Благодарю вас за участие, – он поклонился. Мы тоже поднялись, сделали положенные реверансы, и он, взяв котелок, направился к дверям. Мисс Грэм провожала его взглядом, и на её губах играла лёгкая полуулыбка, которую я видела на её лице впервые.

У меня не было никаких сомнений, что сразу после ухода сэра Гаррета она сделает мне строгий выговор за отсутствие манер и неумение вести себя на людях, но к моему громадному удивлению, ничего такого не последовало. Даже не взглянув в мою сторону, мисс Грэм немедленно устремилась к себе, словно вспомнив о каком-то неотложном деле, и закрылась в своей комнате. Её странное поведение меня слегка озадачило, но думать о нём мне не хотелось. Вместо этого я сразу отправилась на второй этаж в библиотеку, совмещённую с кабинетом, в котором когда-то занимался сэр Реджинальд. Никаких дел всё равно не было, а слова сэра Гаррета меня вдруг заинтриговали. Что же такое важное могло быть у отца мисс Барнс, что историческое общество без этого жить не может? Конечно, вероятность того, что я сейчас что-то найду, невелика – ведь после смерти баронета его вещи наверняка разбирали, и раз уж в них ничего не нашли, мои поиски тоже скорее всего не увенчаются успехом.

Убедившись, что мисс Грэм у себя, и в пределах видимости нет никого из горничных, я закрыла дверь, села за письменный стол и решительным движением выдвинула верхний ящик. Никаких угрызений совести я не испытывала, поскольку ещё не успела проникнуться к моему новому окружению какими-то сильными чувствами. Бумаг в ящиках оказалось много, но ничего интересного я не обнаружила – связки писем, старые гроссбухи, по которым можно было оценить состояние имущества Барнсов, какие-то книги... Перерыв весь стол, я, в конце концов, устало откинулась на спинку стула и задумчиво посмотрела в окно.

Ладно. Если бы я была увлечённым, далёким от мира историком и мне в руки попала важная вещь, куда бы я её спрятала?

Взгляд сам собой переместился обратно на письменный стол. Но на этот раз я поступила по-другому – аккуратно доставала из ящиков содержимое и простукивала деревянные стенки в поисках тайника.

Удача улыбнулась мне на одном из последних ящиков. В первый раз я лишь без интереса просмотрела старые бумаги, а сейчас обратила внимание, что изнутри ящик выглядит гораздо меньше, чем снаружи. Тогда я осторожно ощупала его со всех сторон и нашла небольшую пружину, которую старательно подцепила ногтем.

Там оказалось двойное дно. Однако в спрятанном от посторонних глаз отделении не было никаких загадочных ценных предметов. Вместо них обнаружилась небольшая книга в кожаном переплёте. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это была не книга, а дневник, который, похоже, пролежал здесь все эти месяцы после смерти автора. Бумаги сэра Реджинальда в столе должны были просмотреть либо сэр Перси, либо мисс Грэм, а наличие дневника так и осталось для них тайной... Раздумывая над этим, я раскрыла его, и из книги спикировал на пол конверт, которым были заложены страницы. Я подхватила его, и достала из конверта сложенный вчетверо лист бумаги. Там оказалась записка, которую я аккуратно расправила на коленях.

«Моя милая Бетси! Если ты читаешь эти строки, это означает, что меня больше нет. Я сожалею, что оставил тебя одну, но верю, что ты справишься и сможешь идти дальше. Ты всегда была сильной, дорогая, и потому у меня будет к тебе последняя просьба – сожги мой дневник. В нём знания, которые ни в коем случае не должны попасть в чужие руки. Я знаю, ты поступишь правильно. Желаю тебе быть счастливой всю жизнь. Нежно любящий тебя, папа».

А у сэра Реджинальда были весьма тёплые отношения с дочерью. Кажется, баронет её очень любил... От этой мысли стало как-то грустно. Он написал ей эти тёплые слова, которые она никогда не прочтёт. Вместо неё их увидела я – совершенно чужой человек, которому они не предназначались, и который ничего не знал об этой семье.

Однако интересно, что же такое написано в дневнике, что его обладатель пожелал его сжечь? И хотелось бы знать наверняка – после смерти сэра Реджинальда кто-то всё же брал его дневник в руки? Кто-то узнал о «знаниях, которые не должны попасть в чужие руки»? И насколько эти знания на самом деле были важны? Что такого опасного мог знать человек, состоявший в историческом обществе и увлекавшийся готическими романами, вроде того же «Франкенштейна» Мэри Шелли или «Удольфских тайн» Анны Редклиф, которые я видела на книжных полках?

На последней мысли в моей голове что-то щёлкнуло, и я глубоко вздохнула, когда несколько деталей головоломки встали на свои места. Вспомнилась моя собственная прежняя жизнь – маскировка под исторический кружок и знания, которых не может быть у обычных людей.

Желая подтвердить свою догадку, я пролистнула несколько страниц и убедилась в собственной правоте. Дневник, похоже, не представлял особого интереса для окружающих по той причине, что все записи в нём были на древнеирландском. Совершенно серьёзно – сэр Реджинальд не ленился вести его на мёртвом языке, чтобы защитить от постороннего внимания. Прочитав две страницы, я откинулась на спинку кресла и посмотрела в окно.

Сэр Реджинальд, отец мисс Барнс, был Искателем. И вот почему лицо и имя сегодняшнего пожилого джентльмена показались мне знакомыми – сэр Гаррет Уинслоу возглавлял «Общество Искателей» во второй половине девятнадцатого века. Его портрет висел в коридоре у кабинета Патрика, и я видела его тысячу раз.

Глава 4

Когда мисс Грэм на следующее утро напомнила мне о приглашении на музыкальный вечер, я испытала мимолётное разочарование, хотя ещё вчера радовалась, что у меня наконец-то появилась возможность выйти за пределы четырёх стен. Причина крылась в найденном дневнике, который теперь лежал в ящике туалетного столика и который я собиралась прочитать от первой до последней страницы. Внезапное открытие, что семья Барнсов имела самое прямое отношение к Искателям, подействовало на меня удивительным образом: я словно стряхнула с себя оцепенение, охватившее меня с самого первого момента нахождения в этом времени. Это было сравнимо с тем, как если бы я случайно встретила старого друга в незнакомом городе, где все тебе чужие. Глупо, наверное... Ведь здешнее Общество Искателей отличается от того, в которое входила я. Более того – насколько я помню историю Искателей, предыдущее Общество оказалось уничтожено как раз в девятнадцатом веке и восстановилось только несколько десятилетий спустя. Но всё равно, обнаружить здесь частичку моей прежней жизни было сродни пробуждению, и главным чувством, которое я теперь испытывала, был азарт. Меня разбирало любопытство – что же такое было записано в дневнике, что его автор завещал дочери уничтожить записи?

Впрочем, мисс Грэм о переменах в моём настроении не было известно, и когда она зашла в мою комнату с напоминанием, что пора собираться на вечер, я едва успела спрятать дневник. Разумеется, не было ничего странного в том, что я забрала его себе – окружающим можно было бы наврать что-нибудь слезливое на тему, что это память об отце, – но вот если бы кто-нибудь увидел, что я читаю записи на неизвестном языке, точно возникли бы вопросы. С мисс Грэм я предпочла не спорить и без возражений позволила Саре облачить меня в очередное тёмно-лиловое платье с небольшим турнюром.

Из дома мы вышли втроём – мисс Грэм, я и сэр Перси. Тот участливо расспрашивал меня о моем самочувствии и настойчиво рекомендовал не мучить себя и немедленно отправиться домой, если в гостях мне вдруг сделается дурно. Мисс Грэм лаконично отвечала ему вместо меня, что не спустит с меня глаз и проследит, чтобы всё было в порядке. Моё участие в разговоре не требовалось вовсе.

Когда мы вышли на улицу, я с трудом удержалась, чтобы не начать крутить головой во все стороны. Идти пришлось буквально несколько шагов, потому что к порогу подали экипаж, а мне хотелось рассмотреть викторианский Лондон. Движение на улицах было весьма оживлённым – не сравнить, конечно, с автомобильным, но всевозможных телег, повозок, экипажей, кэбов было столько, что вполне можно было встать в пробку. Прохожие спешили по своим делам, как в любом мегаполисе двадцать первого века. Рассмотреть улицу детально мне не удалось, во-первых, из-за сумерек, а во-вторых, из-за тумана, который почему-то был тёмного оттенка. Из-за него же создавалось впечатление, будто на улице нет никаких ярких цветов. Несмотря на преобладание коричневых и серых тонов, которые делали окружающую картину весьма мрачной, я всё равно почувствовала душевный подъём из-за возможности подышать свежим воздухом и вдохнула полной грудью. Точнее, попыталась, потому что напрочь позабыла о корсете, который по-прежнему не позволял дышать нормально. Но и неглубокого вдоха хватило, чтобы закашляться от неожиданности. В воздухе витал какой-то странный горячий привкус, который мне не с чем было сравнить. Только в карете я догадалась, что это было – угольный смог. Ведь в девятнадцатом веке все камины и печи в Лондоне топили только углём...

Пффф. И кто-то ещё ругает современные города, что в них дышать нечем. Они просто в викторианской Англии не жили!

– Надеюсь, Бетси, твоя травма не уничтожила твою любовь к лошадям? – дружелюбно поинтересовался сэр Перси, когда мы сели в карету и кучер захлопнул за нами дверцу. Затем

транспортное средство слегка накренилось – кучер забрался на козлы, – и мы двинулись с места.

– Что заставило тебя так думать, кузен? – удивилась я, не имея ни малейшего понятия, что привело его к подобному выводу.

– Ты и глазом не моргнула, когда увидела Нелли, хотя раньше обязательно подошла бы погладить её, – пояснил тот. – Или ты всё ещё сердишься на неё за то, что она сбросила тебя в парке?

Прокол! Значит, Нелли – лошадь Барнсов, которая сбросила Бетси, а сейчас запряжена в карету?

– Как можно на неё злиться, кузен? – с доброжелательной улыбкой спросила я, надеясь, что в полумраке кареты никто не заметит, какого труда мне стоило изобразить спокойствие. поскольку я не знала, какой ответ показался бы им убедительным. – Но ты отчасти прав. После случившегося я пока не могу подходить близко к лошадям. Сразу в памяти всплывает тот ужасный день...

Я картинно вздохнула и прикрыла глаза, изображая слабость. Сэр Перси немедленно почувствовал свою вину и принялся извиняться за то, что навёл меня на неприятные мысли, восклицая, какой он осёл. Я слабым голосом, но с выражением самой искренней любезности заверила его, что всё в порядке. На этом мы закрыли тему, вполне довольные друг другом. Я отвернулась было к окну, удовлетворённая тем, что удачно избежала неприятного разговора, но в этот момент заметила взгляд мисс Грэм. Она смотрела на меня с улыбкой, исполненной самой глубокой иронии, и я поняла, что мой спектакль её не обманул. Она видела, что я веду себя не как настоящая мисс Барнс, но не спешила делиться подозрениями с сэром Перси или обвинять в чём-то меня. Ох, не знаю, хорошо это или плохо... А что будет, если она догадается, что я не Бетси?

Интересно, а в девятнадцатом веке ещё сжигали на кострах за колдовство?

Экипаж остановился. Сэр Перси вылез первым и учтиво помог нам с мисс Грэм выйти наружу. Я с интересом оглядела трёхэтажный особняк, который выглядел значительно больше и респектабельнее того, в котором жили Барнсы. К подъезду съезжались экипажи, среди которых были и обычные, без опознавательных знаков, но попало и несколько, украшенных гербами. Рассмотреть подробнее мне не удалось – чувствительный тычок мисс Грэм мне в бок напомнил о том, что надо идти в дом. На полсекунды я прикрыла глаза, собираясь с мыслями. Теперь надо сосредоточиться. Веди себя спокойно, нейтрально, в разговоры сама не вступай и по возможности переводи беседу на погоду или здоровье. Никаких личных вопросов и разговоров о себе. Ты справишься.

В прихожей нас встретили хозяева дома – джентльмен с дамой средних лет и молодая девушка чуть постарше меня. Я предположила, что дама была той самой леди Вейлор, которая и прислала приглашение. Едва мы показались на пороге, девушка немедленно устремила к нам, пока её родители раскланивались с ещё одной парой гостей. Она была моего роста, и бледной, как человек, которого никогда не выпускают на солнце. Светло-каштановые волосы были собраны на затылке, черты лица невзрачные, напоминающие овечьи. Тем не менее, мне она улыбнулась вполне искренне, а не вежливо-безразлично.

– Мисс Барнс, я так рада, что вы смогли приехать! – тепло воскликнула она, беря меня за руки, когда мы сделали положенные реверансы, а сэр Перси отвесил ей поклон. – Как вы себя чувствуете?

– Благодарю вас, мне намного лучше, – я постаралась улыбнуться как можно дружелюбнее, заметив, что к нам подходит мать девушки.

– Сэр Перси, мисс Барнс, мисс Грэм! Надеюсь, вы поживаете хорошо?

– Более чем, леди Вейлор, – галантно ответил кузен, беря руку дамы, затянутую в перчатку, и прикладываясь к ней губами, на что дама вдруг порозовела, смущённо хихикнула и торопливо стала расспрашивать меня о моём самочувствии.

А ведь она ещё молода, не больше сорока лет, – удивлённо подумала я. А вот её супруг... Я отыскала глазами джентльмена. Он был старше её лет на десять-пятнадцать, и в волосах уже преобладала седина. Судя по внешнему облику хозяев, финансовое положение семьи было получше, чем у Барнсов, но до Рокфеллеров им, пожалуй, далеко – украшений на леди Вейлор почти не было. А их дочь, чьё имя было бы неплохо узнать, была во всём светлом, как полагалось девушке на выданье.

Мы успели обменяться обычными любезностями, когда следом за нами появилась следующая партия гостей, и внимание хозяев переключилось на них. Мы же втроём прошли в освещённую множеством свечей гостиную, больше похожую на небольшой зал. Я старалась не отходить ни на шаг от мисс Грэм, всё больше ощущая дискомфорт от незнакомой мне среды, в которой я не умела ориентироваться. Сэр Перси испарился буквально через минуту, заметив кого-то из знакомых, а мы с мисс Грэм направились вдоль стены к группе дам у окна. Среди них преобладали дамы возраста мисс Грэм и постарше – по всей видимости, матери и компаньонки, которых моя спутница поприветствовала как хороших знакомых. Меня в очередной раз расспросили о моём здоровье, а затем дамы принялись обсуждать последние новости. Я в это время оглядывала зал и гостей. Кто-то из барышень сидел за фортепьяно в углу и играл весёлую мелодию. Гости общались группками у стен, освободив центр гостиной, где танцевали три пары. Движения и фигуры танца мне были совершенно незнакомы, и я твёрдо решила, что при любой попытке меня пригласить, буду ссылаться на траур. Все молодые девушки были в светлых платьях, а в волосах у всех были цветы, из-за чего они сливались в сплошную толпу, и запомнить их по отдельности было сложно. Были и дамы в более ярких и сложных нарядах – по всей видимости, замужние, – и я залюбовалась переливами разноцветных тканей. Лакеи сновали между гостями, предлагая тем напитки. Мужчин и женщин в зале было примерно поровну, и я вспомнила, какого труда хозяйкам вечеров, приёмов и балов стоило организовать эти мероприятия так, чтобы и пригласить всех, кого нужно, и никого не обделить вниманием, и соблюсти все приличия. Дамы среднего и пожилого возраста, общавшиеся между собой, время от времени бросали острые взгляды вокруг в поисках своих юных подопечных. Те весело болтали друг с другом и с молодыми людьми. Атмосфера на приёме была вполне расслабленной – чувствовалось, что леди Вейлор приглашала только самых близких, потому что народу было не очень много и все друг друга знали. Со мной время от времени кто-то здоровался, на что я вежливо отвечала, но в разговоры не вступала. Теперь мне было интересно, когда в зале появится мой жених-граф, знакомство с которым мне обещали сэр Перси и мисс Грэм. Надо же понять, можем ли мы вообще найти общий язык или нет...

Моим вниманием завладела пара в центре зала, которая чем-то отличалась от других танцующих. Издалека я не могла разглядеть их лица, но их движения отличались удивительным изяществом, как у профессиональных танцоров. Темноволосый мужчина был заметно выше своей партнёрши – стройной блондинки с такой тонкой талией, что Скарлетт О'Хара умерла бы от зависти. Однако разница в росте несколько им не мешала, и смотрелись эти двое удивительно гармонично. Я невольно засмотрелась на их танец – создавалось впечатление, что каждый из них точно предугадывал действия второго – и отошла от мисс Грэм и её знакомых. Тем неожиданнее для меня прозвучал голос, раздавшийся прямо за моей спиной:

– Рада видеть вас в добром здравии, мисс Барнс.

Я вздрогнула и даже слегка подпрыгнула на своём месте. Но не от того, что говоривший подкрался ко мне со спины, а от того, что я внезапно осознала, что знаю этот голос. И либо у меня начались слуховые галлюцинации, либо...

Взяв себя в руки, я развернулась и... огромным усилием сцепила зубы, чтобы удержать свою челюсть от падения. Ибо прямо передо мной стояла Розмари, которая выглядела почти так же, как и в моём времени. Встреча с ней была последним, чего я ожидала от этого приёма. На ней было такое же длинное платье и старомодная причёска, как и у прочих дам в зале, но всё же это точно была она. Удивительно, но наряд девятнадцатого века смотрелся на ней гораздо органичнее и естественнее, чем одежда двадцать первого. В первый миг я едва удержалась от того, чтобы не броситься Розмари на шею от радости, что наконец-то вижу кого-то знакомого. Но затем я заметила, с каким вежливо-нейтральным выражением она смотрит на меня – ничего общего с нашим общением в моём двадцать первом веке, где мы успели немного сблизиться – и вспомнила, что я нахожусь в совершенно другом времени.

– Прошу прощения, что напугала вас, – учтиво сказала Розмари, от которой не укрылся мой ошалевший вид. – У меня не было подобного намерения.

– Д-добрый вечер, м-мисс Блэквуд, – промямлила я, всё ещё не придя в себя. Мысли мелькали лихорадочно, и мне срочно требовалось минут десять на то, чтобы взять себя в руки и всё обдумать. Брови Розмари на полсекунды взмыли вверх, словно я совершила какую-то ошибку, но она ничего не сказала. – Н-ничего страшного. Это я слишком задумалась.

– Я рада, что вы пришли на этот вечер. Это хорошая возможность вернуться к светской жизни, общаясь только со знакомыми, – продолжила она так же учтиво. Слова звучали дружелюбно, но меня по-прежнему не покидало ощущение, что Розмари не было никакого дела до меня.

– Леди Вейлор была очень любезна, пригласив нас, – согласилась я.

Пожалуй, небольшие изменения во внешности Розмари всё же можно было найти. Она выглядела моложе, сейчас ей было не больше тридцати лет. Держалась она с тем же достоинством и уверенностью в себе, что и в моём времени, вот только на окружающих она смотрела гораздо более надменно. Я зацепилась взглядом за ожерелье с крупным рубином у неё на шее и задумалась – какое положение она сейчас занимает? В моём времени ни Майкл, ни Розмари ни разу не упоминали о своём статусе в Лондоне конца девятнадцатого века. Но статус явно был не из низких.

Тем временем мелодия стихла, пары на «танцполе» поклонились друг другу и вернулись к прочим гостям. Из-за фортепьяно поднялась молоденькая девушка, уступая место дочери хозяев, и я поразились их различию. Обе были дебютантками высшего света в почти одинаковых светлых платьях и цветами в волосах – найди десять отличий! – но блёклая мисс Вейлор была похожа на овцу, в то время как вторая девушка оказалась темноволосой, смуглой, с живыми тёмно-кариими глазами. Её внешность совершенно не соответствовала канонам викторианского представления о красоте, но, тем не менее, она производила гораздо более приятное впечатление. Она весело сказала что-то мисс Вейлор, на что та улыбнулась, и легко устремилась к поджидавшим её молодым людям. В её поведении было что-то очень непосредственное, что невольно располагало к себе.

– Леди Блэквуд, мисс Барнс, – бодро поприветствовали меня, и я, отвернувшись от девушки, посмотрела на новоприбывших, раскланиваясь с ними уже чисто машинально. Как оказалось, к нам подошла та самая пара, которая привлекла моё внимание во время танца. На этот раз желания упасть в обморок от неожиданности у меня не возникло, потому что я уже увидела Розмари, хотя голова по-прежнему шла кругом. Майкл улыбнулся мне гораздо более тепло, чем его возлюбленная, и я в который раз поразились, насколько он хорош собой. Сейчас, в одежде дворянина девятнадцатого века, его образ достиг идеала. Именно о таком Мистере Дарси наверняка мечтает каждая женщина, и я только тихонько вздохнула.

– Как вы поживаете, мисс Барнс? – поинтересовался Майкл. – Надеюсь, вам уже лучше?

Я пробормотала слова благодарности, глаза на его партнёршу. Если увидеть Майкла после появления Розмари было вполне закономерно, то обнаружить прямо перед собой пре-

красную, словно Снежная Королева, Валери Андерс я совсем не ожидала. Но, тем не менее, это была она. Корона платиновых волос, точёное лицо, сапфировые украшения. Декольте на её платье было самым глубоким в этом зале, однако оно не выглядело пошло и вульгарно. Наоборот, оно показывало ровно столько, чтобы заинтересовать всех присутствующих мужчин, не выходя при этом за рамки приличий. Осиная талия, голубая ткань платья, подчёркивающая льдисто-голубые глаза... М-да, я терпеть не могу Валери, но выглядела она эффектнее всех присутствующих женщин, этого нельзя не признать.

– Мисс Барнс, – она улыбнулась мне совершенно равнодушно, а затем с гораздо большей теплотой обратилась к Розмари. – Дорогая Роуз, я так рада тебя видеть!

– Здравствуй, Валери, – та улыбнулась ей в ответ, на что я удивлённо моргнула. – Наслаждаешься танцами?

– Наслаждалась, – поправила её та и фыркнула, повернув голову в сторону мисс Вейлор за фортепьяно. – Бедняжка Оливия совершенно не умеет играть. С Эмили никакого сравнения.

– Ты совершенно права, – Розмари улыбнулась. – Эмили просто умница. Алан ею очень гордится.

– Неудивительно, – хмыкнула Валери, оглядываясь, а затем, заметив кого-то среди гостей, воскликнула: – Смотри, там Алисия с миссис Панкхёрст! Надо подойти поздороваться! Майкл, надеюсь, ты извинишь нас?

– Разумеется, – заверил тот и слегка склонил голову. – Леди Блэквуд.

– Лорд Фостер, – с каменным лицом отозвалась Розмари, окидывая его взглядом, полным ледяного презрения. – Мисс Барнс.

Обе леди направились к своим знакомым, причём Валери умудрялась двигаться с такой лёгкостью, словно на ней была не многослойное платье весом в двадцать килограмм, а летний сарафан. Глядя им вслед, я ошарашенно пыталась осмыслить происходящее. Розмари и Валери – подруги... Розмари и Майкл не вместе... Что происходит? В какую параллельную вселенную меня забросило?

Однако выходит, что забросило меня в ту самую вселенную. Я ведь знала, что маги были в Лондоне в конце девятнадцатого века – и вот они собственной персоной, пожалуйста! Лондонская аристократия. Вот только я пока видела всего троих, хотя в том же двадцать первом веке магов в Лондоне было гораздо больше. Здесь же в теории должны быть Алан, Чарльз, Алисия и Рыцари, Уильям Майклсон, тот тёмный маг, который совершал жертвоприношения...

Ладно, какой смысл врать самой себе? Здесь же должен быть ещё один маг, который интересует меня гораздо больше всех остальных, вместе взятых. Что с ним? Раз здесь Розмари, то он точно должен быть...

Как говорится, помяни чёрта – и он сразу же появится. Мы с Майклом вежливо обсудили погоду за окном и моё драгоценное здоровье, когда к нам подошло новое действующее лицо. В этот самый момент я лишилась дара речи и могла только смотреть на приближающегося к нам мужчину, при виде которого моё сердце заколотилось, как ненормальное. В памяти немедленно всплыла наша последняя встреча и тот поцелуй, который остался в совершенно другой жизни, и который я помнила так отчётливо, словно это было вчера.

– Мисс Барнс, – Джеймс слегка поклонился, глядя на меня точно так же равнодушно, как и его сестра. – Рад, что вам лучше.

– Б-благодарю вас, – это было единственное, что я смогла из себя выдавить.

Потеряв ко мне интерес, Джеймс повернулся к Майклу и хотел задать какой-то вопрос, но не успел.

– Граф Блэквуд! Виконт Фостер! – радостно вскричал невесть откуда взявшийся сэр Перси. – Рад вас видеть!

Пока мужчины здоровались, я недоумённо взглянула на кузена, не ожидая его появления и удивляясь такому быющему через край дружелюбию, и только потом до меня дошёл смысл его слов.

Граф Блэквуд?

Граф?!

Не может быть...

Глава 5

Какая-то часть меня продолжала вопить в полный голос, что я сошла с ума и что не бывает таких совпадений. Я была совершенно согласна с внутренним голосом, но продолжала смотреть, как Майкл, Джеймс и сэр Перси сначала приветствуют друг друга, а потом охотно начинают обсуждать последние скачки в Эпсоме и того, кто выиграл кубок Дерби. Да нет, это невозможно. Мало ли в Лондоне графов? Вот только скорость, с которой рядом со мной возник кузен, едва на горизонте показался Джеймс, явно была не случайной. Но если Джеймс Блэквуд и впрямь был женихом мисс Барнс, то получается...

– Мисс Барнс, надеюсь, ваш следующий танец свободен? – вернул меня в реальность его голос, и я пристально взглянула ему в лицо. Вопрос был задан совершенно дежурным тоном, которым незваному гостю из вежливости могут предложить чаю, искренне надеясь, что тот так же из вежливости откажется. В любом другом случае я бы немедленно приняла приглашение и подпрыгнула бы на месте от радости, но сейчас я прекрасно помнила, что не знаю ни одного па из танцев этой эпохи. Сэр Перси за спиной Джеймса отчаянно мне засигнализировал, но я любезно ответила:

– Я крайне признательна вам, но прошу понять моё положение. Мой траур по отцу ещё не закончен, – сэр Перси стрельнул в меня очень недовольным взглядом, всем видом показывая, что я должна быть поучтивее.

– Разумеется, – безразлично согласился Джеймс, которого мой отказ несколько не огорчил, и тем же равнодушным тоном добавил: – Но, надеюсь, вы не откажете мне в удовольствии пройти по залу?

На это возразить мне было нечего.

– Конечно, лорд Блэквуд.

Я взяла его под руку, и мы неторопливым прогулочным шагом двинулись вдоль стены. Напоследок я заметила, как у сэра Перси сделалось довольное лицо, точно у заботливой мамы, пытающейся поскорее выпихнуть любимую дочь замуж, а Майкл смотрел на Джеймса со слегка ироничной улыбкой. Казалось, происходящее его забавляло. Затем я украдкой взглянула на своего спутника, медленно свыкаясь с мыслью, что это не совсем тот маг, которого я встретила в две тысячи пятнадцатом году. Различие было не во внешности – как и Розмари, Джеймс мало изменился. Русые волосы были отпущены до плеч и собраны в небольшой хвост, что явно выбивалось из принятых здесь норм, хотя лично мне это очень нравилось. На вид магу можно было лет двадцать пять – то есть он был почти ровесником той меня, которая осталась в Лондоне двадцать первого века. И он не был тёмным магом. Я держала его за руку, не ощущая никакого холода, и это было... приятно. Переводя книгу заклинаний, я так устала от ледяного дыхания тёмной магии, что её отсутствие невольно поднимало настроение.

Под взглядами почтенных дам мы дошли до противоположной стороны и развернулись обратно. Прочие гости Вейлоров смотрели на нас цепко, оценивающе, особенно матроны, у которых наверняка были собственные дочери на выданье. Я почувствовала себя практически живым товаром, и мне стало неуютно от этого сравнения. Но затем я отвлеклась от этих мыслей, потому что обнаружила, что к нам подбежала та самая смуглая исполнительница, которая вблизи оказалась очень хорошенькой девушкой.

– Мисс Барнс! Я очень рада вас видеть, как вы поживаете? – она широко улыбалась, не пытаясь выглядеть строго, и я подумала, что это было самое искреннее проявление чувств, которое я сегодня видела. – Вы уже совсем выздоровели?

Последний вопрос она задала с неподдельным участием, и я невольно улыбнулась в ответ.

– Мне намного лучше, – повторила я заученную фразу, но произнесла её с гораздо большей теплотой. Хотя одно лицо без маски в этом зале!

– Мне очень жаль, что так вышло. И я бы очень хотела пригласить вас на конную прогулку, хотя теперь сомневаюсь, захотите ли вы после этого ужасного происшествия...

– Возможно, позже.

Нет, надо срочно восполнять пробелы в своём образовании! Танцевать я не могу, ездить верхом тоже. Наверняка сейчас обнаружится отсутствие ещё каких-нибудь умений.

– Да, я понимаю... Вы не хотите сыграть, мисс Барнс? Мы можем исполнить что-нибудь в четыре руки!

Ну вот, что я говорила? Час от часу не легче!

Должно быть, что-то такое отразилось на моём лице, потому что даже Джеймс, внимательно взглянув на меня, укоризненно заметил:

– Эмили, будь милосердна. Мисс Барнс совсем недавно полегчало.

– Ах, простите меня! – огорчённо воскликнула девушка. – Мисс Барнс, мне очень жаль! Клянусь, я не хотела быть назойливой!

Я заверила её, что нисколько не расстроилась, и Эмили с облегчением улыбнулась.

– Вы очень добры! И я очень надеюсь, мисс Барнс, что после того, как вы с графом Блэквудом поженитесь, мы будем видеться чаще!

Так, понятно, всё-таки не совпадение...

Она продолжала что-то говорить, но я её почти не слышала. К счастью, вскоре Эмили окликнула какая-то её знакомая, и девушка упорхнула прежде, чем я пропустила мимо ушей какой-нибудь вопрос. Мы же продолжили наш променад по залу, хотя у меня гудела голова от перенапряжения. Затем мы остановились, чтобы поприветствовать группу каких-то очередных знакомых, чьих имён я совершенно не запомнила. На них я обратила внимание только потому, что уж очень колоритно они смотрелись – трое господ почтенного возраста что-то усердно доказывали молодому человеку, который годился каждому из них во внуки. Молодой человек вблизи оказался совсем юным. Почти не скрывая эмоций, он бросил страдальческий взгляд на Джеймса, на что тот только ухмыльнулся, и мы продолжили наш путь.

Происходящее не имело никакого смысла, и у меня всё больше крепло ощущение, что я не вижу всей картины в целом.

Выходит, мы с Джеймсом помолвлены. С одной стороны, его кандидатура в женихи устраивала меня больше, чем какая-либо иная, но с другой... Это было непонятно. Джеймсу нет никакого дела до собственной невесты; у него же на лице написано, что никаких чувств, кроме скуки, наше общение у него не вызывает. Неужели настоящая мисс Барнс была настолько серой мышью, что совершенно не смогла наладить отношений с женихом? Да даже если бы они друг друга терпеть не могли, это уже было бы хоть каким-то проявлением эмоций, а здесь такое чувство, будто мисс Барнс – просто пустое место! Даже наша прогулка по залу под ручку – лишь следование викторианским условностям. В нём нет никакого намёка хотя бы на дружеское расположение, не говоря уже о более сильных чувствах. Ну, хорошо, допустим, чувства в браке для него – не главное. Тогда что побудило его сделать предложение мисс Барнс? Да ещё нарушив светские условности с трауром? Приданого у меня нет, это я уже выяснила. Денег я ему не принесу, да и не похож Джеймс на обычного охотника за приданым. Единственное, что у меня есть – это полуразрушенное поместье в Корнуолле. Ну и на кой чёрт, спрашивается, оно нужно Джеймсу?

И потом, не стоит забывать, что он маг. Причём даже не тёмный, сейчас Джеймс входит в ковен! Я не слишком хорошо знаю, как маги относятся к понятию «семья», но мне казалось странным, что маг вдруг собрался жениться на совершенно обычной девушке, и все его близкие абсолютно спокойно воспринимали происходящее. Все они – Майкл, Розмари, Валери – разговаривали со мной вполне вежливо и дружелюбно, без скрытого негатива. Даже Валери, а ведь она влюблена в Джеймса...

Единственный факт о мисс Барнс, который заслуживает внимания, – её отец был Искателем. Возможно, дело в этом?

На ум снова пришёл оставленный в моей комнате дневник сэра Реджинальда. Нужно прочесть его как можно скорее. Возможно, те самые тайные и опасные знания, которые он поручил уничтожить своей дочери, прольют свет на происходящее... И как же жаль, что в своём времени я не расспросила Майкла и Розмари об их жизни в девятнадцатом веке более подробно!

Следующая мысль потрясла меня так сильно, что я споткнулась о длинный подол платья и чуть не упала. Джеймс посмотрел на меня неодобрительно, но ничего не сказал.

У него же была жена! Тогда, в машине, Розмари говорила, что у меня нет никаких шансов, потому что он всю жизнь любил её одну! Но как это возможно, если через месяц он должен жениться на мне?

Да вот только жениться он должен был не на мне, а на мисс Барнс! Которая умерла неделю назад, неудачно упав с лошади, а вместо неё в этом теле теперь обитаю я! Должно быть, мисс Барнс должна была спокойно умереть, Джеймс остался бы холост и через какое-то время женился бы на той своей единственной любимой. Но теперь здесь я – и Джеймс остался женихом мисс Барнс.

История изменила ход. Пусть ненамного, но события уже пошли не по намеченному пути.

Возможно, я смогу тогда что-то изменить? Остановить жертвоприношения здесь и сделать так, чтобы в двадцать первом веке они не начались вовсе? Почему бы нет?

Тем временем мы закончили круг по залу, и от наполеоновских планов по изменению истории невольно пришлось отвлечься. Джеймс подвёл меня к мисс Грэм, общавшейся с двумя дамами, с безукоризненной вежливостью раскланялся с нами и удалился. Вскоре к нему подошёл Майкл, они о чём-то оживлённо заговорили. Затем Майкл весело хлопнул друга по плечу, и они вдвоём направились к каким-то своим знакомым. По дороге Джеймс над чем-то рассмеялся, доказывая, что всё же способен на живые человеческие чувства, и я покачала головой. Честное слово, будучи тёмным магом в двадцать первом веке, он проявлял ко мне – случайной знакомой – гораздо больше интереса, чем к своей невесте здесь!

– Мисс Барнс, – привёл меня в чувство сухой голос мисс Грэм. Я встрепенулась, сообразив, что позабыла поздороваться с её собеседницами. – Полагаю, вы не знакомы с миссис Панкхёрст? И с её подругой, мисс Филиппс?

– Мы представлены друг другу, – чопорно проинформировала высокая, крупная девушка лет двадцати двух. Рыжеватые волосы были уложены в простой узел на затылке, а в её платье не было совершенно никаких изысков.

Я с умным видом кивнула, поскольку этой барышне точно было лучше меня известно, знакомы они с мисс Барнс или нет, а сама вопросительно посмотрела на третью женщину – худощавую брюнетку лет тридцати. Её фамилия была мне смутно знакома, причём слышала я её явно не здесь.

– Миссис Панкхёрст, это мисс Элизабет Барнс, дочь сэра Реджинальда Барнса. Мисс Барнс, это миссис Эмелин Панкхёрст.

В этот момент я наконец-то сообразила, откуда мне знакомо это имя. Это же известная суфражистка, которая была одной из первых в Англии, кто начал бороться за права женщин! Только, помнится, определённых успехов она начала достигать лишь в начале двадцатого века, до которого оставалось ещё целых пятнадцать лет...

– Вы считаете, что у женщин должно быть право голоса? – выпалила я, заинтересованно глядя на эту историческую личность.

У мисс Грэм удивлённо вытянулось лицо, зато вторая девушка одобрительно улыбнулась, из-за чего её лицо с широкими скулами стало ещё шире. В ней мне тоже вдруг почудилось что-то знакомое, но я решительно прогнала эти мысли. Мне уже во всех встречах кажется

что-то знакомое, скоро дойду до того, что в какой-нибудь пожилой матроне разгляжу королеву Викторию...

– Разумеется, – с глубоким убеждением отозвалась миссис Панкхёрст. – Женщины должны обладать теми же правами, что и мужчины. И я твёрдо знаю, что рано или поздно мы этого добьёмся. К несчастью, далеко не все дамы сознают необходимость равных прав... А всё потому, что немногие получают разностороннее образование, расширяющее кругозор.

Мисс Филипс смотрела на неё влюблённым взглядом, впитывая каждое слово, и я мысленно усмехнулась. Похоже, не одной мне не нравится, что в девятнадцатом веке женщина может реализовать себя только в роли жены и матери.

– Жаль, что вы не можете остаться в Лондоне, чтобы добиться большего, – вздохнула она. – Я с вами полностью солидарна!

Эммелин только кивнула.

– Сожалею, но мы с мужем в Лондоне проездом. В скором времени мы должны будем вернуться в Манчестер.

– Надеюсь, ваши дети здоровы? – вежливо уточнила мисс Грэм, но ответить миссис Панкхёрст не успела.

Какой-то незнакомый человек средних лет подошёл к ней со спины и вежливо окликнул:

– Мисс Грэм?

Та сурово поджала губы и обернулась с явной целью высказать наглецу всё, что думает о его манере подкрадываться, но, увидев подошедшего, столь стремительно переменилась в лице, что я невольно оглянулась в поисках лакея на случай, если моя компаньонка вздумает упасть в обморок. Но мисс Грэм быстро справилась с собой, а я с интересом взглянула на подошедшего, пытаясь понять, что в нём могло вывести из равновесия человека, у которого, как мне казалось, маска строгости навсегда приросла к лицу. Но во внешности этого мужчины не наблюдалось ничего необычного: тёмные, коротко постриженные, волосы, усы, небольшая бородка. Вокруг глаз и на лбу уже протянулись небольшие морщинки. Сейчас они обозначились вполне чётко, потому что человек широко улыбнулся, явно позабавленный реакцией мисс Грэм.

– Что ты... – изумлённо начала было мисс Грэм, но прикусила язык и быстро стрельнула взглядом по сторонам, а затем вернула себе мрачный вид. – Что вы здесь делаете?

– Мисс Грэм, я надеялся, что вы окажете мне честь, составив пару в танце?

Миссис Панкхёрст и её собеседница продолжали что-то обсуждать, не обращая внимания на окружающих, и мисс Грэм позволила себе прошептать:

– Я не танцую!

– Вы разбиваете мне сердце, – с самым трагичным видом возвестил её знакомый. Судя по лукавому огоньку в глазах, он от души забавлялся происходящим. – Мисс Грэм, клянусь вам честью, если вы откажете мне, я сегодня же появлюсь под вашими окнами с гитарой и буду распевать серенады, поставив всех ваших соседей в известность о моих чувствах к вам!

Глаза мисс Грэм стали квадратными, но на бледных впалых щеках вспыхнул предательский румянец.

– Прекратите этот балаган! – почти шёпотом воскликнула она, нервно озираясь по сторонам в поисках развесивших уши любопытных гостей, но рядом стояла только я. – Я же компаньонка! Какие ещё танцы?!

– Я не приму отказа, – категорично заявил её поклонник и, подхватив мисс Грэм под руку, устремился с ней к прочим танцующим. Та последовала за ним, причём довольно быстро прекратив сопротивление.

Ну и дела. Даже у такой сушёной воблы, как мисс Грэм, внезапно обнаружился воздыхатель. А забавно было бы посмотреть, как он исполняет серенады, а компаньонка не знает, куда деться и как объяснить сэру Перси, почему ему не дают ночью заснуть...

Пожалуй, с новыми открытиями на сегодня пора было заканчивать. От изобилия свалившихся на меня новостей голова кружилась уже по-настоящему. Давящий корсет тоже не облегчал жизнь. Музыка казалась слишком громкой, людей вокруг было слишком много, а в зале внезапно стало слишком душно. Но падать в обморок на глазах у всех гостей мне нисколько не хотелось и, собравшись с силами, я с трудом направилась к дверям.

В холле было прохладно, пусто, и мои шаги гулко отдавались от пола. Свернув в коридор, я наугад открыла одну из дверей и оказалась, по всей видимости, в библиотеке Вейлоров.

Вот только она была уже занята. При моём появлении с дивана поднялся молодой человек, читавший при свете нескольких свечей в канделябре.

– Прошу прощения за вторжение, я не хотела вас беспокоить, – выдала я заготовленную на подобный случай фразу и хотела было ретироваться, но молодой человек не позволил. Отложив книгу, он торопливо вскочил на ноги.

– Мисс Барнс! Уверю вас, вы нисколько мне не помешали. Вы здоровы?

– Я прекрасно себя чувствую, – заверила я, нащупывая одной рукой ручку двери.

– Вы очень бледны. Может, позвать миссис Вейлор или мисс Грэм? Или послать за врачом?

– Нет-нет, не стоит...

– Тогда хотя бы присядьте, – предложил он.

Участие юноши показалось мне вполне искренним. Я благодарно улыбнулась и опустилась на кушетку.

Тот взял с письменного стола графин с водой, налил в бокал и подошёл ко мне, протягивая бокал мне. Я с благодарной улыбкой приняла его, сделала глоток. Голова всё ещё кружилась, но обморок, кажется, мне уже не грозил.

– Благодарю вас, мистер... – тут я запнулась, сообразив, что совершенно не представляю, кем был мой собеседник.

– Рассел. Артур Рассел, – подсказал он без малейшей тени недовольства или укоризны. Присмотревшись, я вдруг узнала в нём того самого молодого человека, которого видела в компании пожилых джентльменов, когда они что-то активно ему втолковывали. Юноше было лет двадцать, не больше. Его имя показалось мне смутно знакомым, но я лишь покачала головой. Наверное, сегодня его при мне уже упоминали.

– Простите меня.

– Не беспокойтесь, – он улыбнулся, из-за чего у него на щеках обозначились ямочки. – Мы с вами виделись ровно две минуты во время знакомства. Неудивительно, что вы не запомнили моё имя. Вы пришли сюда за чтением? Или просто отдохнуть от прочих гостей?

Последние слова прозвучали так непосредственно и наплевательски по отношению к этикету, что я невольно рассмеялась.

– Боюсь, вы сочтёте меня невоспитанной, но насчёт последнего предположения вы правы. Кажется, светский приём утомил меня сильнее, чем можно было ожидать.

– Я вас понимаю. Сам сбежал по той же причине.

– Я видела, – ляпнула я, не подумав, когда вспомнила, как ему досаждали три джентльмена, но он лишь усмехнулся.

– Да. Мои друзья могут быть слишком решительными, так что мне бывает необходим перерыв.

– Я не буду больше отвлекать вас от книги, – я поднялась с намерением откланяться.

– Позвольте проводить вас в зал? – в этот момент он невольно нахмурился, представив себе перспективу новой встречи с теми господами.

– Благодарю, но в этом нет необходимости.

Я широко улыбнулась, и он понял, что от меня не укрылось его беспокойство. Мистер Рассел благодарно кивнул и вернулся к книге – на обложке я успела заметить название «Граф

Монте-Кристо» – и вышла из библиотеки. И только у дверей зала сообразила, что прекрасно себя чувствую, а головную боль словно рукой сняло.

Вечер продолжался своим чередом, но больше ничего особенного не происходило. Единственным заслуживающим внимания явлением была непривычно счастливая мисс Грэм. Уже после полуночи гости начали разъезжаться. Мы распрощались с хозяевами, и я радовалась, что первое испытание прошло сравнительно успешно. Сэр Перси, мисс Грэм и я направлялись к выходу, когда к нам подошли Розмари и Валери.

– Сэр Перси! Мисс Барнс! Как, вы уже уходите?

– Моя кузина ещё недостаточно окрепла, миледи, – пояснил баронет, с удовольствием рассматривая красавиц перед собой.

– Разумеется, вам стоит поберечь себя, – согласилась Розмари. – Возможно, стоит позвать врача?

– О, уверяю вас, это лишнее, – заверила я. – К завтрашнему утру я буду в порядке.

– Очень надеюсь, – Валери тонко улыбнулась и протянула мне руку. – Я была очень рада увидеть вас, мисс Барнс. Надеюсь, мы с вами станем хорошими друзьями.

Собираясь сказать какую-нибудь любезность, я в недоумении пожала её ладонь, и лишь призвав на помощь всё своё самообладание, не отдернула руку. Ладонь у Валери оказалась ледяная, и мне показалось, что холодный воздух охватил всё моё предплечье, с лёгкостью проникнув под рукав. С заминкой я выдавила в ответ улыбку.

– Я тоже очень надеюсь на это, мисс Андерс.

Вид у меня, похоже, и впрямь был нездоровый, потому что мой ответ их полностью удовлетворил. Заверив друг друга в вечной дружбе, мы разошлись, и я с трудом удержалась, чтобы не обернуться им вслед.

Валери уже сейчас занималась тёмной магией. Этот холод я не спутаю ни с чем другим. А учитывая, что в данный момент она входит в магический ковен, презирующий тёмную магию в любом её проявлении... Очень интересная картина вырисовывается.

Глава 6

Следующий день обещал быть таким же серым и спокойным, как и неделя до приёма. С утра я сидела в своей комнате и читала дневник сэра Реджинальда, в котором пока, правда, не обнаружила ничего интересного. Отец мисс Барнс описывал собрания Искателей, их обсуждения и дискуссии, а также впечатления от прочитанных книг и встреч с разными людьми, но его размышления были совершенно будничными, просто мыслями человека, глубоко увлечённого своим делом. И хотя мои мысли постоянно перескакивали на вчерашний вечер, я заставляла себя сосредоточиться и читать записи на древнеирландском дальше, потому что понимала – я должна разобраться, что здесь происходит.

Короткий стук в дверь вынудил меня отвлечься. Я едва успела спрятать дневник в ящик, как на пороге, не дожидаясь моего разрешения, возникла мисс Грэм. После возвращения с приёма она почти не говорила, целиком пребывая в себе, и я даже слегка удивилась – неужели это танец с поклонником произвёл на неё такое впечатление? Увидев, что я бесцельно сижу за туалетным столиком и ничего не делаю, она нахмурилась, но не стала заострять внимание на моём поведении.

– Мисс Барнс, вы совершенно забросили игру на фортепьяно. Вы должны больше упражняться, чтобы достичь большего совершенства.

Только этого для полного счастья не хватало!

– Ээээ... – неуверенно промямлила я, в панике подыскивая убедительную отговорку. – Н-не уверена, что это хорошая идея. Я ещё не совсем здорова...

– Недостаточно здоровы для игры на фортепьяно и пения? – вкрадчиво спросила она, и мне показалось, что в её глазах сверкнул какой-то странный огонёк. – Как же так, если сегодня вам предстоит играть на вечере у графини Моррис?

– Уверена, графиня простит мне мою болезнь, – прикрыв глаза якобы от слабости, уже машинально выдала я. – Я извинюсь перед ней.

То, что произошло в следующий миг, не укладывалось ни в какие рамки и было последним, чего я ожидала. Вместо того, чтобы кивнуть или прочесть нотацию, мисс Грэм сжала губы в тонкую полоску, резко выбросила вперёд правую руку и с гневом воскликнула:

– Довольно!

Неизвестной силой меня сорвало с места и отшвырнуло к стене. Я преобольно ударилась локтем о выступ, так что всё тело зазвенело, но схватиться за ушибленную руку внезапно стало физически невозможно – я почувствовала, как меня прижало к стене чем-то невидимым, так что у меня не было возможности шевельнуться. Неприятным дополнением стало то, что я больше не чувствовала под ногами пола – значит, моя компаньонка удерживала меня на весу. Мисс Грэм продолжала стоять в паре метров от меня, всё так же протягивая в мою сторону руку, и смотрела с холодным гневом в глаза. По-прежнему ничего не понимая, я попыталась пошевелиться, но потерпела неудачу.

– Отвечай! Кто ты такая? Кто тебя послал?

– Ч-что? – искренне изумилась я, от удивления даже на секунду позабыв о собственном неудобном положении. – Меня никто никуда не посылал!

– То есть ты вселилась в неё по собственному почину? Ведь ты не Элизабет Барнс! Ну, отвечай, кто ты?

Резкая боль пронзила мою голову, словно что-то с силой сжало её в тисках и теперь медленно сдавливало. Я закричала и инстинктивно попыталась прижать ладони к голове в попытках затолкать боль глубже, но руки так и остались прилепленными к стене. Это было точно так же, как в тот раз, когда меня пыталась убить Валери, вот только сейчас на спасение можно было не рассчитывать. Пожалуйста, хватит! Пусть это прекратится!

Словно в ответ на мою беззвучную мольбу, тиски слегка разжались. В комнате раздавался какой-то странный пронзительный звук, и я не сразу поняла, что это был мой крик, который я даже не слышала, пока эта ведьма меня пытала.

– Мне повторить вопрос, или ты его поняла? – голос был стальной, без проблеска сострадания, и я поняла, что, если я не отвечу, она просто продолжит меня пытать без малейших угрызений совести.

– Меня никто не посылал, клянусь!

– Хорошо, допустим, – я осторожно приоткрыла глаза и обнаружила, что мисс Грэм опускает вторую руку, продолжая удерживать первую на весу. – Продолжай.

– И да, я не Элизабет Барнс, – обречённо призналась я.

– Об этом я уже догадалась, – язвительно сообщила мисс Грэм. – Ты Путешественница. И я спрашиваю снова – кто ты и зачем вселилась в эту девушку?

Я молчала, и она выразительно подняла вторую руку. Я представила, как она сейчас снова попытается расплавить мне мозги, и выдавила:

– Я не хотела вселяться в неё. Я Путешественница во времени... если вам это хоть о чём-то говорит.

И закрыла глаза, ожидая, что сейчас мне и придёт конец. Ну кто мне поверит, учитывая, насколько редким явлением были такие Путешественники? Но прошла секунда, две, а затем сила, пришивавшая меня к стене, пропала. Не ожидая такого, я кулём свалилась на пол, ощущая боль и в голове, и в ушибленной руке, и в ноге, на которую я только что неудачно приземлилась, и зашипела сквозь зубы.

– Путешественница во времени, – задумчиво протянула надо мной мисс Грэм. Приподняв голову, я обнаружила, что она ходит взад-вперёд по комнате, постукивая себя указательным пальцем по подбородку. – А вот это уже интересно. Выходит, настоящая мисс Барнс мертва?

– Разбилась, упав с лошади, – хмуро подтвердила я, проводя рукой над губой. На пальцах осталась кровь, шедшая из носа, и я с отвращением вытерла их прямо о платье.

Убедившись, что пока меня пытать не собираются, я со второй попытки с трудом поднялась на ноги. Мешали несколько слоёв нижних юбок, которые путались под ногами. Перед глазами по-прежнему расплывались красноватые круги, а всё тело гудело. Почувствовав, что сейчас просто осяду обратно на пол, я ухватила обеими руками за столбик кровати и с трудом сфокусировала взгляд на мисс Грэм. Та всё так же размышляла над чем-то, не обращая на меня внимания.

– Это... неприятно. Смерть мисс Барнс... несколько осложняет дело, – она наконец-то взглянула на меня, но мой плачевный вид, похоже, не произвёл на неё никакого впечатления, и разжалобить её мне не удалось. – Из какого ты времени?

– Из двадцать первого века, – неохотно отозвалась я, не видя никакого смысла скрывать правду.

Мои слова её впечатлили.

– Даже так? И каким будет буду... Впрочем, нет, – торопливо перебила она саму себя. – Я не должна знать. Лучше поговорим о деле. Насколько хорошо ты осведомлена о происходящем здесь? О социальном устройстве, о культуре, об истории?

– В общих чертах, – осторожно ответила я, не понимая, к чему она клонит. Мисс Грэм иронично вздёрнула одну бровь, и я неохотно добавила. – В самых общих.

– Да, я так и подумала... И что же ты намереваешься делать? Какой видишь свою дальнейшую жизнь?

Данный вопрос занимал меня в последние дни весьма сильно, но однозначного ответа на него не имелось. Остановить тёмного мага, предотвратить жертвоприношения – затея хорошая, но кратковременная, а останусь я в викторианской Англии на всю оставшуюся жизнь. По

большому счёту, я намеревалась просто плыть дальше по течению, подстраиваясь под обстоятельства. Является ли это признаком трусости и безволия? Возможно. Но что ещё остаётся? Я не сумасшедшая и прекрасно понимаю, что мне не удастся перестроить этот чуждый мне мир под себя, и так или иначе придётся подстраиваться под его законы.

Все эти философские рассуждения были очень интересными. Вот только я не стала пересказывать их мисс Грэм, а вместо этого независимо пожала плечами (это движение, впрочем, весьма чётко отражало суть моих умозаключений). Но бывшая компаньонка только кивнула, словно прекрасно меня поняла.

– Вполне предсказуемо. Значит, ты собираешься жить жизнью мисс Барнс, будто ты – это она. Отлично... – её лицо внезапно озарилось довольной улыбкой, будто ей на ум пришла новая идея. – Я бы даже сказала – просто прекрасно! Твоё появление может упростить мне задачу.

Коротким движением она достала откуда-то белоснежный носовой платок с вышитыми на нём инициалами «АГ» и с доброжелательным видом протянула мне, словно предлагала оливковую ветвь.

Я не спешила принимать его, и с подозрением посмотрела на магически одарённую мисс Грэм, которая теперь смотрела на меня без малейшей злости. Наоборот – с интересом и чем-то, похожим на дружеское расположение.

– Не бойся, – спокойно сказала она, с лёгкостью заметив мою настороженность. – И извини за допрос. В последнее время обстановка... несколько напряжённая. Всё время ожидаешь нападения со спины.

Её слова ситуацию особо не прояснили, но платок я приняла и осторожно стёрла кровь с лица.

– Откуда такое дружелюбие? – иронично осведомилась я, не понимая, с чего та вдруг сменила гнев на милость, и не выпуская её из поля зрения. Конечно, если она снова сейчас нападёт, я ничего не смогу сделать... ну, может, хотя бы увернуться попробую.

Мисс Грэм широко улыбнулась – мимика, казалось бы, вовсе ей неподвластная, так что я даже позабыла о собственном непрезентабельном виде.

– Оттуда, что мы с тобой можем быть друг другу полезны, – охотно отозвалась моя компаньонка.

* * *

Через десять минут я вошла в библиотеку, где меня уже ожидала мисс Грэм. Горничная сервировала чай, и над чашками поднимались облачка ароматного пара. К этому моменту я кое-как пригладила растрепавшуюся причёску и умылась, причём Сара страшно удивилась, когда я поймала её в коридоре. Я затруднялась сказать, что удивило её больше – мой расхристаный вид или внезапная просьба об умывании – но, попричитав, она убежала на кухню за кувшином с водой. И, видимо, во время допроса мисс Грэм использовала какое-то звуконепроницаемое поле, раз моих криков в доме никто не услышал. Чёртова ведьма...

Приведя себя в относительный порядок, я поняла, что готова к новой встрече с магом, который обнаружился в непосредственной близости от меня. Из услышанного можно было сделать вывод, что сама мисс Грэм, кем бы она ни была, явно не являлась простой компаньонкой и преследовала какую-то цель, неким образом связанную с мисс Барнс. Что ж... Почему бы не послушать, что она хочет мне сказать, и что именно хочет предложить?

Мисс Грэм сидела на стуле у окна и выглядела так же строго и чопорно, как и всегда, так что у меня даже на секунду закралось подозрение, не померещилась ли мне вся эта сцена у меня в комнате. При моём появлении она кивнула на диван напротив, предлагая располагаться. Я послушно села, понимая, зачем она выбрала такое положение: теперь я сидела на свету, а её лицо было скрыто в тени.

– Предлагаю начать с простого, – деловито сказала она. – Как тебя зовут?

Я только пожала плечами, не собираясь принимать целиком её правила игры.

– Моё имя здесь ничего не значит. Использовать его в этом времени – только рисковать лишний раз выдать себя окружающим.

– Справедливо, – после паузы отозвалась та, и мне показалось, что ей понравился мой ответ. – Ты неглупа, это хорошо. Что тебе известно о магии? И магах?

– Самое общее. Обычные маги, Путешественники и тёмные. Путешественники, в свою очередь, делятся на тех, кто переносится в пространстве, и тех, кто переносится во времени. Обычные маги и Путешественники живут ковенами. Тёмные – одиночки.

– До перемещения в девятнадцатый век ты знала, что ты сама Путешественница?

– Нет.

– Ну, хорошо, – словно приняв какое-то решение, она поднялась на ноги и села рядом со мной. Я обратила внимание на этот переход – теперь я отчётливо видела её лицо, и мы были на равных. – Я тоже Путешественница, но в пространстве.

Я не стала удивляться, а только кивнула, ожидая продолжения. Чего-то в этом духе можно было ожидать после превращения чопорной дамы в хладнокровную дознавательницу, хотя находиться рядом с ней мне было неудобно. Все мои предыдущие встречи с Путешественниками заканчивались тем, что они нападали на меня или кого-то из близких мне людей, да и эта встреча началась примерно с того же.

– В доме Барнсов я оказалась не случайно. Моим заданием был шпионаж.

– За сэром Реджинальдом? – не подумав, ляпнула я первое объяснение, которое мне пришло на ум.

Она пристально взглянула на меня, и на узких губах показалась одобрительная улыбка.

– Тебе и об Искателях известно? И ты уже поняла, кем был «твой» отец?

Проклиная свой длинный язык, я неохотно кивнула. Мисс Грэм же, кажется, была очень довольна, что не надо углубляться в долгие объяснения.

– Совершенно верно. Это распространённая практика – многие из моих собратьев проникают в семьи Искателей и следят за тем, что происходит в этом обществе. Конечно, толку от Искателей мало, но совсем сбрасывать их со счетов не стоит... – я укоризненно кашлянула, задетая такой оценкой, но компаньонка не обратила на это внимания. – Баронет Барнс не стал исключением, и за те несколько лет, что я прожила в этой семье, вплоть до его смерти, я не узнала ничего по-настоящему стоящего.

– Вы вселились в настоящую мисс Грэм? – резче нужного спросила я, не сумев перебороть чувство неприязни. Уникальная магия Путешественников по-прежнему внушала мне отвращение, и в памяти сразу всплыло случившееся с Мартином.

– По необычному стечению обстоятельств – нет. Барнсы действительно моя дальняя родня, и именно поэтому шпионаж за этой семьёй поручили мне. Когда он не дал плодов, мне приказали возвращаться, но тут произошло кое-что, что заставило нашего главу передумать. Скажи-ка мне, – она с интересом взглянула на меня. – Вчера мы были на приёме, где ты увидела своего жениха, а с ним и его друзей. Какое впечатление о них у тебя создалось?

– Если вы о том, что они все маги, то мне об этом известно.

– Да? – искренне озадачилась она. – А ты и впрямь наблюдательна, раз так быстро определила.

Я не стала переубеждать её, рассказывая о своём знакомстве с магами в будущем, а только слегка склонила голову вбок, показывая, что я внимательно слушаю.

– И как ты думаешь, что побудило графа Блэквуда просить у сэра Перси твоей руки?

Вот это да! Значит, с этой помолвкой и впрямь всё не так просто, раз даже Путешественники всполошились, хотя, казалось бы, они сюда вообще никаким боком не вписываются!

– Не могу себе представить.

– Совершенно справедливо. Потому что в этом нет никакой логики! Маги почти никогда не женятся на обычных людях, а если женятся, то только по большой любви. Для Блэквуда же мисс Барнс не значит абсолютно ничего! Тогда зачем такие сложности с браком? Он ничего не приобретает от подобной женитьбы!

Её слова настолько дословно повторяли мои собственные мысли, что я даже восхитилась собственной проницательностью. Выходит, я была во всём права, подозревая за происходящим какую-то интригу.

– И вы остались в семье Барнсов, чтобы?..

– Чтобы дожидаться вашей свадьбы и узнать, что Блэквуду и прочим магам понадобилось от Барнсов, – подтвердила мисс Грэм мою догадку, а затем вдруг вскочила на ноги и в волнении прошлась по комнате. – Ковен магов что-то задумал, и я должна узнать, что! Вселиться в кого-то из домочадцев самих магов я не могу – слишком рискованно. Магам прекрасно известно о наших способностях, и меня с лёгкостью могут разоблачить. Оставаясь же в твоей семье, я не вызываю подозрений и привлекаю гораздо меньше внимания.

Её взволнованный вид подсказал мне, что мы подошли к сути дела. Раз Путешественница утратила привычное хладнокровие, речь идёт о самом важном.

– Позвольте, угадаю, – я откинулась на спинку дивана и скрестила руки на груди. – Я вам нужна, чтобы и дальше играть роль мисс Барнс. Если она исчезнет, то не будет никакой свадьбы и, соответственно, ваши усилия пропадут даром. Придётся искать новые пути, чтобы подобраться к магам и их секретам.

– И вероятность того, что я подберусь к ним так же близко, как сейчас, крайне ничтожна, – охотно подтвердила мисс Грэм, даже не подумав отрицать. – Ты умна, Путешественница. Именно поэтому я даже рада, что в тело моей воспитанницы вселилась та, кто неплохо разбирается в происходящем. Будь на твоём месте настоящая мисс Барнс, мне было бы труднее. Она-то ничего не знала о магии.

– Это понятно, – задумчиво согласилась я. Поведение компаньонки вопросов больше не вызывало, её доводы были вполне убедительны. – Но у меня остался вопрос – а каким образом вы будете мне полезны? Вы же говорили о взаимовыгодном сотрудничестве?

Я бы не очень удивилась, если бы она начала меня шантажировать, угрожать и запугивать, однако мисс Грэм только улыбнулась.

– Я помогу тебе здесь освоиться, – спокойно ответила она. – У тебя отсутствуют знания этикета, простейших манер и многие навыки, которые девушкам этого времени прививают с детства. Это тебя и выдало – я очень быстро заподозрила, что ты не та, за кого себя выдаёшь. Ты не знаешь ничего ни об этом мире, ни о собственной семье, ни о знакомых. Графини Моррис, о которой я спрашивала, даже в природе не существует, и настоящая мисс Барнс точно бы удивилась, кто это. Я буду учить тебя и не удивлюсь твоему невежеству, которое наверняка вызовет множество вопросов у любого другого, кто взялся бы научить тебя.

Я молчала. Возразить было нечего. Она была совершенно права – с моим нынешним уровнем знаний я едва ли смогу хоть чего-то добиться. Моя тайна раскрылась спустя всего неделю моего пребывания здесь, и мне ещё повезло, что первым меня раскрыл тот, кому известно о Путешественниках. Да и... Врать не буду – мне не меньше Путешественницы хотелось выяснить, что было на уме у моего жениха. Будь на его месте любой другой маг – и я бы два раза подумала, прежде чем ввязываться в очередную авантюру, связанную со сверхъестественным. Но это был Джеймс... Пусть не тот, которого я знала в двадцать первом веке. Но всё же это был он. Отказаться от возможности быть с ним, видеть его, даже по столь оригинальной причине я не могла.

– Хорошо. Я согласна. И скажите, как к вам обращаться? Мисс Грэм?

– Я рада, что мы договорились, – она улыбнулась предвкушающей улыбкой, уже представляя, как с моей помощью будет ставить магам палки в колёса. – «Мисс Грэм» называй

меня на людях, ведь мы должны поддерживать нашу легенду. Когда нет свидетелей – можно по имени. Меня зовут Анабелл.

Я устояла на платок, который она мне дала в комнате, и который я продолжала держать в одной руке. В уголке красной нитью были вышиты инициалы «АГ». В памяти всплыли невысокая некрасивая женщина с холодным голосом и протянутой вперёд рукой и Ричард, корчащийся от боли. Затем – низина у Оствика, толпа Путешественников напротив нас с Джеймсом, стальные пальцы, впивающиеся мне в виски, и вспыхивающий ледяным огнём на моей руке символ тёмной магии, не позволяющий Путешественнику завладеть моим телом...

Совпадение? Я в них не верю. И сколько ещё таких встреч со «старыми-новыми» знакомыми мне предстоит?

Глава 7

– Тебе многому предстоит научиться, а времени у нас мало. Хорошо, что из-за траура ты ограничена в возможности выходить из дома или принимать у себя гостей. Надо использовать это время с толком, – вынесла вердикт Анабелл, расспросив меня о моих знаниях и умениях.

Этот разговор не занял много времени, потому что почти на все вопросы я отвечала лаконичное «Нет». Мисс Грэм с каждой минутой всё больше мрачнела, представив себе масштаб работы, на которую добровольно подписалась, но спорить не стала, потому что понимала, что я ей нужна. Своё недовольство она выразила лишь невольным восклицанием:

– И чему же девушек вообще будут учить в двадцать первом веке?..

На этот вопрос я не стала отвечать, чтобы не начинать новую дискуссию, а вместо этого заметила:

– Для человека, живущего в эту эпоху, ты весьма резка в суждениях. Почему так? Это я перенеслась сюда из будущего с другим мировоззрением, но твоё замечание о трауре не соответствует образу леди этой эпохи. Да и от моего невежества ты не пришла в ужас.

Анабелл снисходительно рассмеялась.

– Дорогая Бетси, я намного старше, чем ты можешь представить. Я была свидетелем тому, как десятилетиями понемногу меняются устои и правила, и прекрасно понимаю, что и то, что принято сегодня, через двадцать-тридцать лет ничего не будет значить.

В своих рассуждениях мисс Грэм внезапно оказалась гораздо ближе к истине, чем можно было представить. Через тридцать лет в Европе всюду будет идти Первая Мировая война, которая попросту уничтожит привычный мир, принеся ему на смену нечто принципиально новое и непривычное...

Но вслух я этого говорить не стала, а вместо этого спросила о ещё одной очень важной вещи:

– Анабелл, зачем несколько дней назад к нам приходил глава Искателей? Что такое важное они не могут найти?

– Я бы многое отдала, чтобы узнать, о чём шла речь, – отозвалась та, и нахмурилась. Проницательный, сосредоточенный взгляд напомнил мне ту Анабелл, которую я видела в своём времени, несмотря на абсолютное внешнее различие. – Сэр Гаррет Уинслоу был близким другом твоего отца... Точнее, отца Бетси. И если «Общество Искателей» и в самом деле отдало ему что-то на хранение, в этом нет ничего необычного. Вот только после смерти сэра Реджинальда мы не обнаружили ничего странного в его вещах.

Под «мы» явно подразумевались Путешественники, и я чуть поморщилась, представив, что они проводили в доме обыск.

– Сэр Уинслоу предположил, что эта вещь спрятана в поместье... – начала было я, но тут мисс Грэм иронично приподняла одну бровь, и меня осенило. – Вы там уже побывали, да?

– Ещё нет, но наши люди уже на пути в Корнуолл, – без каких-либо угрызений совести подтвердила Анабелл. – Сразу после визита сэра Гаррета я немедленно поставила в известность нашего главу, и он отправил нескольких Путешественников обыскать дом.

Я хотела было возмутиться, что кто-то столь бесцеремонно влезет в поместье, которое вообще-то было моим приданым, но потом вспомнила, что я не мисс Барнс, и, соответственно, это приданое не совсем моё. Мисс Грэм, с лёгкостью догадавшись по моему лицу о моих мыслях, хмыкнула.

– Что это может быть за вещь?

– Не имею представления, – ответила та, и я почему-то сразу поняла, что она не врёт. – От Искателей можно ожидать всего. Это может быть сущая безделица, а может быть нечто

гораздо более ценное, чем можно себе представить. Общество существует столько столетий, что наверняка скрывает немало тайн...

Я задумалась. В родном двадцать первом веке никаких вещей, связанных с магией, Искатели не хранили. По крайней мере, я никогда не слыхала ни о чём подобном, хотя моим непосредственным начальником был сам глава Искателей. Вся нашу ценность составляли лишь архивы. Но ведь здесь существует то Общество Искателей, которым оно было до своего уничтожения в конце девятнадцатого века... Пожалуй, это Общество могло бы хранить разные секреты. И ведь... Вспомнилось письмо сэра Реджинальда, адресованное дочери. Там он говорил о какой-то угрозе. Возможно, всё это как-то взаимосвязано?

Я подумала ещё пару секунд и спросила:

– Какова вероятность, что об этой вещи знают не только Путешественники и Искатели, но и ковен магов? И что граф Блэквуд сделал предложение мисс Барнс ради этой вещи?

– Чтобы заполучить эту вещь себе? И действовал с одобрения своего ковена, учитывая, с каким радушием отнеслись к тебе прочие маги? – продолжила за меня Путешественница. Ответ я прочла на её лице, но она всё же договорила. – Думаю, что эта вероятность весьма велика.

Повисла тишина. Анабелл же, удовлетворившись моим молчанием, поднялась на ноги.

– Тогда за дело. Не будем тянуть.

* * *

С этого дня жизнь моя превратилась в личный ад. Анабелл прекрасно понимала, что за оставшиеся до истечения срока траура и свадьбы недели не сделает из меня образцовую леди, но твёрдо вознамерилась приложить к этому все силы. Всё свободное время она теперь обучала меня этикету, танцам, давала начальные уроки игры на фортепьяно, а в перерывах между этими занятиями рассказывала о родственниках и знакомых Барнсов. Надо отдать Путешественнице должное – у неё оказалось поистине ангельское терпение и железные нервы, потому что мои успехи оставляли желать лучшего. Память у меня всегда была хорошая, так что имена и фамилии друзей и знакомых семьи, а также их социальное положение и черты характера я запомнила легко, как и теоретическое изложение правильных манер, но применять их на практике я постоянно забывала. С танцами ситуация тоже была плачевная, потому что мне не хватало грации и изящества, да и танцевать в пятнадцати слоях одежды оказалось невероятно тяжело. А уж запомнить все повороты, развороты, поклоны и приседания за столь ограниченное время было вовсе невозможно! С игрой на музыкальных инструментах ситуация была ещё хуже. Вдобавок ко всему, внезапно начались какие-то предсвадебные хлопоты, в которых я ничего не понимала и почти не участвовала, без сожалений ввалив их на Анабелл. Как выяснилось, часть приготовлений уже была выполнена, но их прервало падение мисс Барнс с лошади, а теперь их следовало закончить, ведь до свадьбы оставались считанные недели. За следующие четырнадцать дней я, кажется, заметно похудела и подурнела, потому что времени на отдых у меня попросту не оставалось. Дневник сэра Реджинальда так и лежал в ящике стола, потому что у меня не оставалось никаких сил на перевод с древнеирландского.

Анабелл же, наоборот, выглядела вполне довольной жизнью. Через два дня после нашего разговора она, помахав в воздухе распечатанным конвертом, бодро сообщила мне, что глава Путешественников одобрил её действия, а сами Путешественники берут меня под свою опеку как одну из них. Последнее заявление меня откровенно удивило, но спорить я не стала. Опека, кажется, носила чисто символический характер, потому что Путешественники, по большому счёту, меня просто использовали, причём в открытую.

Спустя неделю мучений, Анабелл убедилась, что я полнейшая бездарность в музыке, и решила сосредоточиться на одной музыкальной теории. Я не понимала, зачем она с такой

настойчивостью вбивает мне в голову, как надо правильно читать нотную грамоту и заставляет меня часами правильно писать ноты, но затем мы начали петь дуэтом, под её аккомпанемент. В этот самый момент внезапно обнаружилась некая особенность, поразившая меня до глубины души – у настоящей мисс Барнс, оказывается, был очень чистый, красивый и хорошо поставленный голос. Сумев вытянуть высокую ноту в какой-то песенке, которую мы тогда разучивали, и которую даже Анабелл не смогла спеть, я на какое-то время ушла в глубокую протрацию, потому что в предыдущей жизни вокальные данные у меня отсутствовали полностью и петь я никогда не умела. Сделанное открытие было самым приятным за всё время моего пребывания здесь, и от мисс Грэм не укрылось моё изумление, смешанное с какой-то детской радостью из-за исполнения старой мечты.

– До смерти сэра Реджинальда Бетси регулярно брала уроки пения, – подтвердила мою догадку Анабелл, позабавленная ошарашенным выражением моего лица. – Красивый голос у неё был всегда, и отец всячески способствовал развитию её таланта, не жалея на это средств.

– Почему она не продолжила уроки после смерти баронета?

– Финансовое положение Барнсов уже тогда было весьма плачевным, – со вздохом отозвалась Путешественница. – А после смерти сэра Реджинальда его наследник начал проматывать то немногое, что осталось. Чтобы хоть как-то урезать расходы, мы тогда отказались от всех учителей и дополнительных уроков, которые брала мисс Барнс.

– Удивляюсь, почему та девушка, Эмили, на приёме предложила мне только сыграть в четыре руки, а не спеть... – всё ещё не придя в себя окончательно, пробормотала я.

Анабелл посмотрела на меня с лёгким сочувствием.

– Полагаю, что ей просто не было известно о твоём таланте.

– Что ты имеешь в виду?

– Мисс Барнс была по природе очень застенчива. Дома сэр Реджинальд, я, и даже прислуга наслаждались её пением. Но она совершенно не могла выступать на приёмах и вечерах. Только при самых близких. В окружении чужих людей её начинала колотить сильная дрожь, и она не могла ни петь, ни играть.

– Боязнь сцены? – удивилась я. – Нервное расстройство?

Анабелл вопросительно нахмурилась:

– Прощу прощения?

Я отрицательно покачала головой, сообразив, что использовала современные понятия, которых в этом времени ещё не было. М-да... А у нас с мисс Барнс и впрямь много общего. Я тоже никогда не любила выступать перед большим количеством народа, хотя до нервных припадков дело не доходило. Ну, не зря же считается, что Путешественники во времени – родственные души...

– Давайте споём что-нибудь ещё! – горячо попросила я. – Хочу ещё!

Анабелл рассмеялась, но не стала возражать и перевернула страницу в нотной тетради.

При более близком знакомстве эта женщина неожиданно начала вызывать у меня симпатию. Я очень быстро убедилась, что личина строгой, суровой компаньонки была лишь маской для окружающих, под которой скрывался гибкий, проницательный ум. Анабелл очень трезво смотрела на окружающий мир, принимая его таким, какой он есть. Я уже поняла, что меня она атаковала, заподозрив во мне шпионку, но едва убедившись, что меня никто никуда не засылал, она стала относиться ко мне как к союзнику – в некотором роде вынужденному, но вполне надёжному. Надёжному не потому, что она так быстро уверилась в моей лояльности, а потому, что мне попросту было некуда деваться. Со мной она была вполне откровенна и не скрывала, что я нужна ей, в первую очередь, просто как средство достижения цели, но относилась ко мне, кажется, вполне дружелюбно. Именно это мне в ней больше всего и нравилось – она всегда была очень честна и высказывала своё мнение открыто, не заботясь о чувствах собеседника. Поскольку нас связывала общая тайна, о которой не должен был знать никто из

окружающих, мы чувствовали себя заговорщиками. Ведь, как известно, общие секреты могут сближать ничуть не хуже общих интересов.

* * *

Спустя пару дней после этого необычного открытия мисс Грэм ушла из дома по делам. Насколько я поняла из её уклончивого ответа, она собиралась не только за обычными бытовыми покупками, но и на встречу с кем-то из Путешественников, чтобы доложить, как у неё продвигаются дела. Этой долгожданной передышки я ждала очень долго, и самым моим большим желанием было просто поваляться на кровати, наконец-то расслабившись. Но времени на отдых не было. Едва за Анабелл закрылась дверь, я поспешила в свою комнату и достала дневник сэра Реджинальда. Надо бы уже закончить его чтение, поскольку времени у меня почти не оставалось: и эта странная свадьба угрожающе приближалась, да и выяснить, что же скрывал сэр Реджинальд, тоже было необходимо. И я, собрав всю волю в кулак, снова засела за перевод.

Исписанные страницы подходили к концу, и я уже начала подозревать, что в дневнике на самом деле скрыт какой-то шифр, который придётся разгадывать, но затем удача соизволила мне улыбнуться.

«15 марта, 1884. Сегодня в руки Искателей наконец-то попал предмет, о котором мы столько слышали. Знаменитый «Знак равных»... Не думал, что мне когда-нибудь доведётся не то что подержать собственными руками, но даже увидеть его. И всё равно оставлять эту вещь у «Искателей» опасно. Но, пожалуй, вернуть её магам будет ещё опаснее. Гаррет предложил всем Искателям высказать своё мнение открыто, чтобы решить, что делать со «Знаком»».

«25 апреля, 1884. Большинство Искателей сошлось на том, что хранение «Знака равных» может повлечь за собой опасность для нас всех. После собрания Гаррет попросил меня задержаться и предложил спрятать «Знак» так, чтобы его никто не нашёл. Но я не желаю брать на себя подобную ответственность. Возможно, я трус... Но я не готов рисковать жизнью моей дочери».

«28 апреля, 1884. Вчера вечером на Гаррета напали. Нападающих было трое, и их можно было бы принять за обычных грабителей, но по возвращении домой он обнаружил, что в его кабинете что-то искали. Слуги клянутся, что они здесь ни при чём. Кто бы ни охотился за «Знаком равных», он не должен его получить. Страшно наделять любого мага подобной властью».

«29 апреля, 1884. Я принял решение. Гаррет отдал «Знак равных» мне. Корнуолл лежит достаточно далеко от Лондона, чтобы можно было надёжно спрятать этот артефакт. Разумеется, никто из Искателей не в курсе. Если Господь будет милостив, так всё и останется».

«30 апреля, 1884. Если бы я был на месте магов и знал, что данный Искатель прячет очень важный и опасный артефакт, где бы я стал его искать? Разумеется, в самом отдалённом от Лондона месте. Прятать «Знак равных» в Корнуолле нельзя, потому что именно там его станут искать в первую очередь. Полагаю, что места, лучше Лондона не найти. В моей библиотеке есть тайник, который открывается, если повернуть на сорок пять градусов статуэтку на камине. Надеюсь, этого будет достаточно».

Это была последняя запись в дневнике. Все эти отрывки нагоняли странное, давящее чувство опасности, и я попыталась стряхнуть с себя оцепенение. Не помогло. Все свои воспоминания сэр Реджинальд излагал очень подробно и последовательно, а последние шли рублеными, короткими кусками без вступления и завершения, и мне показалось, что отец мисс Барнс был по-настоящему напуган, когда это писал. Почему записи прекратились именно на этом моменте? Могло ли быть так, что кто-то выяснил, что таинственный артефакт забрал себе именно сэр Барнс, решив просто избавиться от Искателя, который узнал что-то такое, чего ему не полагалось знать? Возможно ли, что его убили?

И о каком артефакте может идти речь? Об артефактах я вообще ничего не знала, и тут моя фантазия могла разыгаться вовсю.

Но зачем гадать, когда можно узнать наверняка? Я усмехнулась этой мысли и перечитала последнюю запись за 30 апреля. Я и так прекрасно знаю, как теперь поступлю. Тянуть время бессмысленно.

Я поднялась на ноги и решительным шагом направилась в библиотеку. Плотно закрыла за собой дверь и подошла к камину. Его и в самом деле украшали несколько фарфоровых статуэток, на которые я раньше не обращала внимания. Все они оказались приклеены к поверхности, и я аккуратно, чтобы случайно ничего не повредить, принялась ощупывать их по очереди. На третьей мне повезло – после небольшого усилия она вдруг с тихим скрипом повернулась вокруг своей оси. В пустой комнате отчётливо щёлкнул какой-то механизм, и я завертела головой по сторонам в поисках источника звука. На первый взгляд, всё осталось на местах, и никакие инородные предметы не спешили привлекать внимание. Убедившись, что больше никаких изменений не происходит, я отошла от камина и осмотрелась, пытаясь вспомнить, откуда шёл звук. После несколько затянувшихся поисков я оказалась возле одного из книжных шкафов. На первый взгляд он ничем не отличался от остальных, но затем я обратила внимание, что книги на верхней полке не стояли вплотную к стене, и до неё оставалась небольшая щель. Подтащив стул, я принялась вытаскивать книги, ругая собственный невысокий рост. Насколько же жизнь была легче в моём родном теле, в котором я всегда могла сама дотянуться до верхних полок!

Но вскоре я позабыла о недовольстве. За книгами в стене обнаружилась дверца, которая после поворота статуэтки «выскочила» из стены. В закрытом состоянии она наверняка сливалась с ней, и обнаружить её было почти невозможно. Ощувив лёгкую дрожь в руках, я глубоко вздохнула и решительно потянула дверцу на себя.

За ней оказалась маленькая ниша, вроде современных сейфов, в которой стояла небольшая шкатулка. «Деревянная шкатулка с вырезанными символами», – вспомнились мне слова сэра Гаррета Уинслоу, пока я вертела находку в руках. Вырезанными символами оказались руны, украшавшие шкатулку на крышке и по бокам. Я узнала руну Иваз – символ защиты, и Райду – символ пути. На ней не было замка, и я с любопытством открыла её. Некстати пришедшее на ум сравнение с древнегреческой Пандорой я прогнала.

Внутри лежал всего один предмет – тусклые старинные часы на цепочке. Я повертела их в руках. Никакого холода я не чувствовала – соответственно, тёмной магии в них не было.

Помедлив, я всё же открыла крышку и обнаружила, что это были не совсем часы. Больше всего это было похоже на раритетный секундомер – циферблат был как у часов, но стрелка всего одна, и указывала она ровно на двенадцать. Там же, на корпусе, над цифрой «XII» была небольшая кнопка. И какое-то десятое чувство мне отчётливо подсказывало, что её пока лучше не нажимать.

Поколебавшись несколько мгновений, я сунула находку в карман платья. Что бы это ни было, будет лучше, если этот предмет будет храниться у меня. В мире, в котором я совершенно чужая, да ещё в окружении толпы магов, ведущих свои игры, мне нужен хоть какой-то спрятанный в рукаве козырь. Анабелл об этой находке пока лучше не знать. Да, сейчас мы с ней союзники, но я не настолько сошла с ума, чтобы доверить вещь, за которой охотится столько человек, первому встречному. Неизвестно, насколько этот «Знак равных» ценен, и мне теперь надо будет в этом разобраться.

Пустую шкатулку я закрыла и вернула на место. Затем поставила на место книги, убедившись, что они стоят в том же порядке, что и до моего вторжения в библиотеку. Стул вернулся к письменному столу. Последним штрихом стало возвращение фарфоровой фигурки в её изначальное положение. По тихому щелчку со стороны шкафа я поняла, что дверца тайника встала на своё место.

Теперь библиотека выглядела точно так же, как и двадцать минут назад. Никто и не подозревал, что в ней что-то искали. И нашли.

Я удовлетворённо улыбнулась и вышла, прикрыв за собой дверь.

Глава 8

Находка загадочного артефакта стала единственным интересным событием; в остальном же дни текли всё так же однообразно, и мне вскоре стало казаться, что я попала в своеобразный «День Сурка». Никаких светских мероприятий мне из-за траура по-прежнему не полагалось, навещать меня ни знакомые семьи, ни мой жених не желали. Сэр Перси всё так же редко появлялся дома, и я осталась на растерзание Анабелл, которая продолжала моё обучение. Конечно, я прекрасно сознавала важность этих уроков, и успела усвоить за это время кое-что новое. Но стены старого особняка всё сильнее давили на меня, и я мечтала сделать хоть что-то, чтобы немного встряхнуть это однообразное существование. Я была даже согласна на новое опасное приключение или неожиданную встречу, лишь бы внести какую-то яркость в эти совершенно одинаковые дни.

Поэтому, когда несколько дней спустя на первом этаже хлопнули входные двери и раздался громкий шум, я мгновенно вскочила из-за фортепьяно и устремилась в коридор. Перед этим я успела заметить, как Анабелл иронично вздёрнула одну бровь в ответ на мою прыть, но не обратила на это внимания, а вместо этого добежала до лестницы на первый этаж и остановилась на ней, рассматривая, что происходит внизу.

Кажется, случилось что-то экстраординарное – по крайней мере, сэру Перси было неоткуда взяться дома в неурочное время. На первом царила настоящая суматоха: двое мужчин, в одном из которых я узнала лакея сэра Перси, а второй, судя по виду, был простым работягой, занесли в дом третьего, незнакомого мне хорошо одетого господина, который, похоже, был без сознания. Сара и Мэри носились по комнате как две всполошившиеся наседки и, кажется, не имели ни малейшего представления, что им следует делать. Сэр Перси остановился на пороге и наблюдал, как бесчувственного джентльмена сгрузили на диван; у того обнаружилась ссадина на лбу, откуда продолжала сочиться кровь. У кузена был очень мрачный, обеспокоенный вид. Заметив меня, сэр Перси посмотрел беспомощно.

– Надо послать за доктором Митчеллом, – наконец принял он решение и осмотрелся по сторонам в поисках того, кто смог бы исполнить роль посыльного.

За моей спиной раздались решительные шаги, и вниз спустилась мисс Грэм. С совершенно невозмутимым лицом, словно подобные картины ей доводилось лицезреть ежедневно, она оглядела людей в доме, затем подошла к мужчине на диване и хладнокровно повернула его голову к свету, осматривая рану. Горничные дружно ахнули.

– Вскипятите воду и принесите чистые полотенца, – спокойно приказала Анабелл, закончив осмотр. Девушки бросились исполнять её поручение, и через пару секунд их в гостиной уже не было.

– Может, нужен доктор?.. – робко заикнулся сэр Перси, на которого явно произвела впечатление железобетонность компаньонки, но та покачала головой.

– В этом нет необходимости. У него всего лишь содрана кожа и небольшой ушиб. Скоро очнётся, ничего с ним не будет.

Баронет вздохнул с настолько заметным облегчением, что мисс Грэм спросила:

– Что произошло?

– Он попал под колёса моего экипажа, – нехотя признался кузен и воровато отвёл взгляд. – Мы проезжали Друри-Лейн, а вам известно, какое там оживлённое движение! Кучер даже не успел увидеть этого джентльмена!

Судя по его виноватому лицу, это экипаж кузена мчался слишком быстро, а пострадавший джентльмен как раз не был виноват в этом несчастном случае, но признавать свою вину кузен решительно не желал.

– Ему повезло, что его не затоптали насмерть, – мисс Грэм хмыкнула, но сэр Перси не заметил её насмешки, а вместо этого повернулся к незнакомому мужчине, который помог занести раненого. Сейчас, когда в его услугах больше не нуждались, он скромно стоял у стены и ждал, когда на него кто-нибудь обратит внимание. Он был небрит, в не очень чистой поношенное одежде, и у меня создалось впечатление, что он весь день таскал на себе кули с мукой или что-то такое же тяжёлое. Заметив, что я смотрю на него, он изобразил неловкий поклон.

– Благодарю вас за помощь, – сэр Перси вручил ему несколько монет, и рабочий, низко поклонившись и пробормотав слова благодарности, удалился.

Анабелл, продолжая рассматривать джентльмена на диване, поинтересовалась:

– Не знаете, кто это? Он явно не из бедных.

– Совершенно не представляю, – сэр Перси смешно вытянул голову, пытаясь увидеть время на напольных часах в углу комнаты. После заверения Анабелл, что жизни пострадавшего ничего не угрожало, он явно расслабился и хотел поскорее вернуться к привычной жизни. Так и не разглядев домашние часы, он спохватился и вытряхнул из кармана жилета небольшой брегет. – Мисс Грэм, не будете ли вы так любезны... Я опаздываю на встречу в клубе... Я никак не могу её пропустить...

– Конечно, сэр Перси, – с постным видом отозвалась та, и лично я не могла определить, вызвали ли у неё осуждение слова баронета. – Поезжайте. Я обо всём позабочусь.

– Вы мой ангел-хранитель, мисс Грэм! – радостно вскричал сэр Перси, подавая какие-то знаки своему лакею и зигзагом отступая к дверям.

Через несколько секунд с тихим щелчком закрылась входная дверь – новый баронет Барнс отправился развлекаться, радуясь, что ситуация разрешилась для него так благополучно. Я только покачала головой. Это в моём родном мире на него бы сразу подали в суд за причинение вреда здоровью, и чёрта с два он бы так легко отделался, а тут – убежал, и до свидания... Хотя кто знает, кем является раненый джентльмен. Одет он вполне прилично, значит, из высокого сословия. Может, он сейчас очнётся и потребует компенсации...

Оглядевшись по сторонам, Анабелл убедилась, что в гостиной осталась одна я, а горничные ещё не вернулись, и провела рукой над лицом джентльмена. Видимо, она использовала какие-то чары, потому что человек вдруг пошевелился и слабо застонал. За моей спиной раздались торопливые шаги, и в комнату вошла Сара с миской, над которой поднимался пар. За Сарой следовала Мэри, передавшая Анабелл полотенце. Моя компаньонка приняла его, аккуратно свернула, намочила и принялась стирать кровь с лица постепенно приходявшего в себя господина.

– Бетси, идите заниматься дальше, – не поворачивая головы в мою сторону, коротко распорядилась Анабелл тоном вредной мисс Грэм. – Вы уже достаточно времени потратили впустую.

– Но... – обиженно заикнулась было я, убеждённая, что последние слова были крайне несправедливы. За прошедшие дни я стала гораздо лучше ориентироваться в нотах и пела гораздо увереннее, да и танцевальные фигуры понемногу начали запоминаться. Но затем я заметила суровый взгляд компаньонки и решила, что выяснять отношения при посторонних будет неразумно. Поэтому я только вздохнула. – Хорошо, мисс Грэм.

Та удовлетворённо кивнула, уже не глядя в мою сторону, и я уныло побрела обратно в музыкальную комнату. Там я села за фортепьяно и принялась перебирать ноты, а затем затила сентиментальную песенку про девушку, чей возлюбленный утонул. Песня была грустная, медленная, вполне соответствовавшая моему мрачному настроению. Когда она закончилась, я подпёрла голову рукой и посмотрела в окно. До смерти хотелось выйти погулять, подышать свежим воздухом, потому что сидение в четырёх стенах казалось всё более невыносимым. Эх, и почему я не обладаю магической силой, как прочие Путешественники? Почему Путешествен-

ники во времени не могут управлять магией? Я бы не отказалась сейчас от таких способностей – по крайней мере, мне было бы проще отстаивать свои права и желания...

Хотя у кого их отстаивать? Не у Анабелл же! У неё свои интересы, и она как раз делает всё, чтобы я поскорее адаптировалась к этому миру. А с кем мне тут воевать? С сэром Перси? Со всем викторианским обществом? С женихом и прочими магами? Это же бессмысленно. Едва ли я смогу доказать кому-то свою правоту...

От этих мыслей настроение испортилось окончательно, и я отложила ноты в сторону. Все песни, которые мы исполняли вместе с Анабелл, мне уже приелись, и я отчаянно скучала по той музыке, которую слушала в двадцать первом веке – по разным направлениям тяжёлого рока, на фоне которых викторианская музыка казалась красивой, но после долгого исполнения становилась невероятно тягостной. И сейчас, подумав, что у меня больше нет никаких сил исполнять то, что было популярно в девятнадцатом веке, я запела песню, которая являлась заглавной темой из одной компьютерной игры, также оставшейся в моём родном две тысячи пятнадцатом году. В песне не было никаких современных понятий и терминов (потому что игра была стилизована под Средневековье), и она была об общих вещах – о тёмных временах и трудностях пути, и о надежде, которая бывает так необходима, чтобы продолжать идти вперёд. Песня всегда мне очень нравилась и цепляла за живое, но спеть её самостоятельно мне никогда не удавалось, поскольку в припеве и каждом куплете полагалось высоко тянуть ноты. Голос мисс Барнс же с лёгкостью справился с этим препятствием, и к середине песни я позабыла о плохом настроении и подавленности. словно в комнате пел кто-то другой, а я слушала знакомые слова, произносимые чужим – и в то же время моим – голосом. Отсутствие музыки меня сейчас нисколько не смущало – она просто не была мне нужна. Было в этой песне что-то такое, что действительно заставляло думать о надежде, о том, что за самой тёмной ночью обязательно придёт рассвет... Последняя строка заканчивалась высокой нотой, после которой песня словно оборвалась, и я замолчала, слегка оглушённая возникшей тишиной. Как же это было прекрасно! Если бы у меня была возможность вновь встретиться с настоящей Элизабет Барнс, я бы обязательно от всего сердца поблагодарила её за эти чудесные впечатления...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.